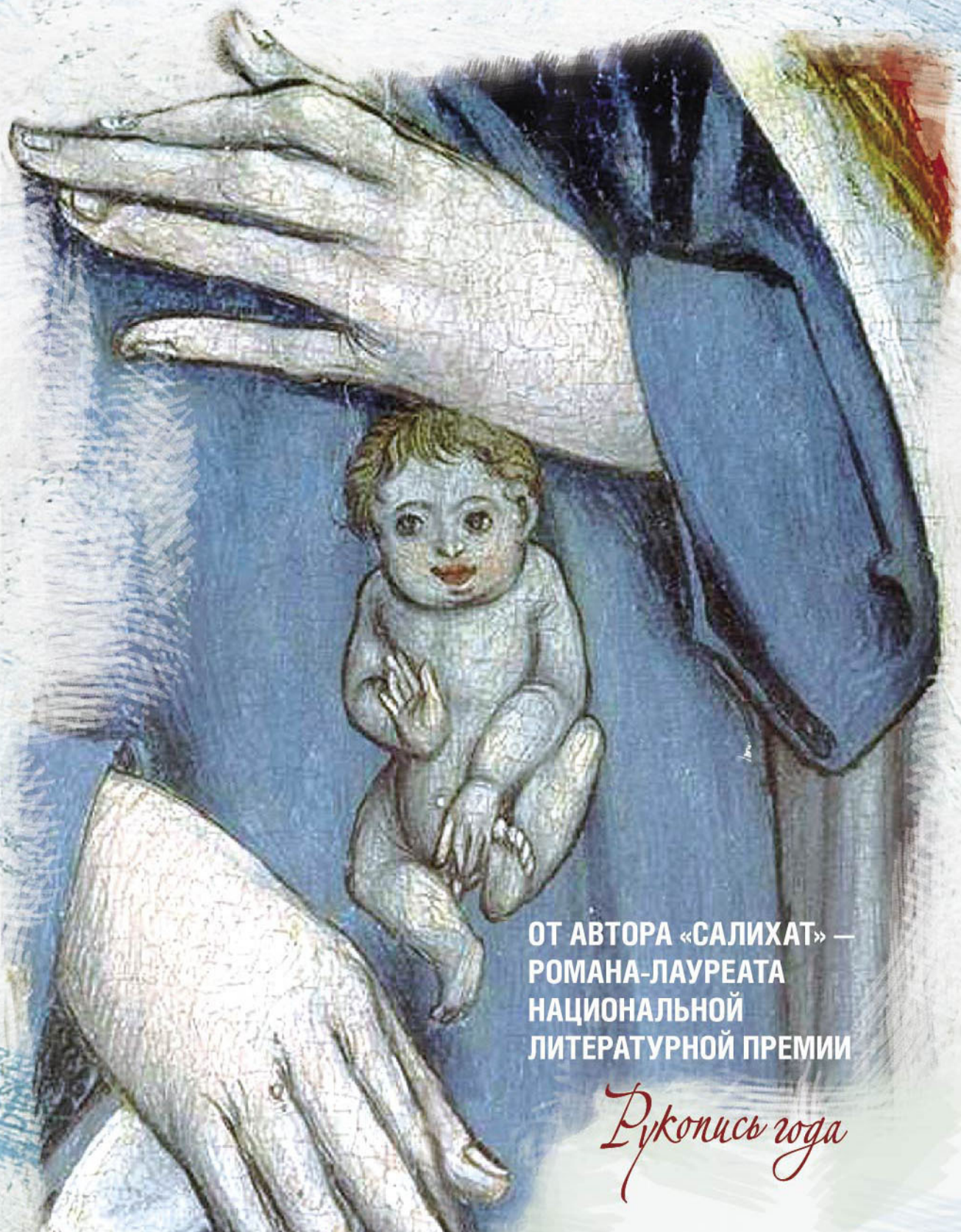

Наталья Елецкая

АЙБАЛА

ИСТОРИЯ ПОВИТУХИ

ОТ АВТОРА «САЛИХАТ» —
РОМАНА-ЛАУРЕАТА
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ

Рукопись года

Люди, которые всегда со мной

Наталья Елецкая

Айбала. История повитухи

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Елецкая Н. В.

Айбала. История повитухи / Н. В. Елецкая — «Издательство АСТ», 2023 — (Люди, которые всегда со мной)

ISBN 978-5-17-155686-0

От автора «Салихат» – романа-лауреата национальной литературной премии «Рукопись года». 1986 год. Дагестан. Горный аул. Айбала – третья из четырех дочерей местной повитухи, она некрасива и уверена, что никогда не выйдет замуж. Айбала помогает матери – она умеет не только принимать роды, но и облегчать женщинам боль. Ее удел – стать повитухой в своем селе, но Айбала хочет учиться дальше, изучать акушерство. Сбежав из дома, она пройдет непростой путь от санитарки в реабилитационном центре для беременных женщин, пострадавших от чернобыльской аварии, до студентки медучилища и дипломированной акушерки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-155686-0

© Елецкая Н. В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть первая. Цуриб	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталья Владимировна Елецкая

Айбала. История повитухи

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения с реальными событиями и людьми случайны

© Наталья Елецкая, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая. Цуриб

Роды у Фазилат начались в самую ненастную ночь уходящего года.

Шуше уже укладывалась спать, когда услышала настойчивый стук, приглушенный неумолчным завыванием ветра и жалобным скрипом потолочных балок – привычными звуками, которые одни только и помогали Шуше уснуть: в последнее время она мучилась бессонницей.

Накинув поверх рубахи овечью шаль и наспех обвязав голову платком, Шуше сунула ноги в растоптанные чуваки, взяла керосиновую лампу и пошла открывать.

В сенях стоял жуткий холод. Сквозь щели в неплотно пригнанных, местами прогнивших досках задувал сквозняк. Висевшая на гвозде накидка задубела от мороза. Вой ветра здесь звучал еще неистовой, словно предсмертные стоны подстреленного волка.

Все открытые части тела Шуше в сенях мгновенно замерзали, но хуже всего приходилось ногам: если на них не было двух пар толстых шерстяных носков, Шуше казалось, будто она опустила ступни в таз с ледяной водой. По этой причине Шуше не любила сени: или теплый дом, или уж двор, куда она, по крайней мере, выходила как следует закутанная.

Отодвигая щеколду, Шуше уже знала, кто там, за дверью: или Сабира, или Малика. В такую ночь она могла понадобится только Мяршоевым. Но она не угадала: за ней пришел Цевехан.

– Пойдемте, Шуше Наврузовна! – выбивая зубами чечетку и пытаясь перекричать ветер, взмолился мальчик. – Очень надо.

Снегопад с обеда еще усилился; снег теперь валил сплошной завесой, такой плотной, что сквозь нее было не разглядеть каменную кладку забора в двух метрах от крыльца.

– Зайди, – сказала Шуше.

Прежде чем переступить порог, Цевехан Мяршоев отряхнул себя от снега, которым был заметен весь, от шапки до ботинок. Нос у него покраснел, глаза слезились. Он притоптывал ногами и прятал ладони под мышками, пытаясь согреться. Латаный тулупчик с куцым воротником и оторванной верхней пуговицей не мог уберечь Цевехана от холода в такую непогоду.

Шуше и сама дрожала, хотя не бежала почти четверть часа по скованным предновогодней стужей извилистым улочкам горного аула. У нее мелькнула мысль пригласить Цевехана на кухню, но тот в свои тринадцать лет уже считался мужчиной, а в доме спали девушки. По хорошему, Шуше не должна была стоять перед Цевеханом в одной рубахе и шали. Почтенный возраст вкупе с ремеслом давали ей некоторые послабления в глазах односельчан, но не пред очами Всевышнего, чьи заповеди она истово чтит.

– Давно началось? – спросила Шуше, стягивая шаль на плоской, давно иссохшей груди.

– Кажется, часа два назад, – пробормотал Цевехан, стыдливо опустив глаза.

Шуше почувствовала глухое раздражение. Почему не прислали Малику? Хоть та и не замужем, да и вообще умом не блещет, все же могла бы хоть что-то рассказать о состоянии Фазилат.

Как ей, скажите на милость, расспрашивать Цевехана? Как задать хоть один вопрос этому без пяти минут мужчине, пусть пока и в детском обличе?..

Ох, и выскажет она все Сабире Мяршоевой. Дайте только до нее добраться!

– Иди домой. Скажи матери – скоро буду.

– Айбала тоже придет? Мама очень просила, чтобы Айбала непременно...

– Иди! – резко сказала Шуше.

– Спасибо, Шуше Наврузовна. Извините, Шуше Наврузовна!

Мальчик скатился по ступенькам, превратившимся в крутую снежную горку, и исчез в мглистой пелене.

После ледяных сеней натопленный дом казался раскаленным горнилом печи. Скинув шаль и чуваки, Шуше, держа лампу в вытянутой руке, на цыпочках прошла через проходную комнату, где спал, выводя замысловатые рулады, ее муж Джавад, и вошла в спальню Айбалы и Меседу.

Шуше прислушалась к размеренному дыханию младших дочерей. Обе, умаявшись за день по хозяйству, засыпали мгновенно, едва их головы касались сложенных вчетверо джутовых мешков, заменявших подушки. В комнатке не было ничего, кроме продавленного топчана и молельного коврика Меседу. Одежда сестер, развешанная на вбитых в стену гвоздях, напоминала раскинувших черные крылья хищных птиц. Стекло узкого оконца, выходившего на глухую стену заднего двора, было залеплено снегом.

– Айбала, – тихо позвала Шуше и повторила чуть громче. – Айбала!

Девушка тут же открыла глаза – сон у нее, в отличие от сестры, был очень чутким. Осторожно, чтобы не потревожить спящую Меседу, она откинула покрывало, сползла с топчана и одними губами спросила:

– Фазилат?

Шуше кивнула, вышла из спальни, вернулась в проходную комнату. Быстро, стараясь не шуметь, оделась: нижнее платье, шаровары, верхнее платье, вязаная кофта, хлопковая косынка, теплый платок, пальто. Но Джавад все равно проснулся. Сел, недовольно хмурясь, провел ладонями по лицу, расправляя глубокие борозды морщин и приглаживая растопыренные в разные стороны усы. Через вырез исподней рубахи виднелась поросшая жесткими седыми волосами грудь.

– Позвали? – спросил он.

– К Мяршоевым. У их невестки срок подошел.

Шуше сняла с полки всегда стоявшую наготове холщовую сумку, запустила в нее руки, ощупью проверила содержимое.

– Айбалу берешь с собой?

– Она одевается. Спи, мы нес скоро вернемся. Может, только к утру.

Джавад проворчал что-то и улегся и через минуту уже снова храпел.

Айбала оделась как подобает: во все темное и закрытое. Юбка в пол, кофта с длинными рукавами, наглухо повязанный платок. Шуше взглянула на дочь и в который (должно быть, в тысячный) раз поразила ее некрасивости. И в кого только такая уродилась? Смуглое широкоскулое лицо, крючковатый птичий нос, темные бусины глубоко посаженных глаз, придающие ей еще большее сходство с печальной птицей, тонкие бескровные губы. И, словно этого мало, непомерно высокий рост, несуразно длинные руки и ступни такого размера, что даже ботинки Джавада, не говоря уже о чуваках сестер, были Айбале малы – приходилось тратиться для нее на персональную обувь, благо Анвар-башмачник, который давно овдовел и не особо управлялся по хозяйству, в летние месяцы брал овощами с огорода, а зимой – кизьяками.

Может, из-за своей внешности засиделась Айбала в девках, а может, из-за странного своего дара, слух о котором вышел уже за пределы аула и разошелся по округе. Она умела утишить боль – не заговорить, а именно приглушить, сделать не такой нестерпимой, что особо ценили роженицы, которые и рожать-то теперь отказывались без Айбалы. Ей достаточно было положить руки на больное место, и боль отступала. Конечно, не насовсем, но хотя бы давала передышку – от нескольких минут до нескольких часов. Разумеется, до мужчин Айбалу не допускали, да она и сама не позволила бы себе прикоснуться ни к одному из них, хотя и не была такой набожной, как Меседу.

В общем, за пять лет, прошедших с начала брачного возраста Айбалы, к ней так никто и не посватался. Джавад, правда, хотел выдать ее за Анвара-башмачника, но Шуше воспротивилась. Меседу скоро шестнадцать, не сегодня-завтра засватают, а если и Айбалу отдать, останутся они на старости лет одни с хозяйством, а это и огород, и овцы, и корова. Может, и к

лучшему, что из четырех дочерей одна уродилась некрасивая: коли уж Аллах не послал им сына, пусть хоть Айбала частично этого сына заменит.

К тому же Шуше, будучи местной повитухой (как до нее была ее мать), должна была передать свое ремесло одной из дочерей. Старшие, Зайнаб и Гезель, давно вышли замуж в соседние села и растили своих детей. А Меседу боялась крови настолько, что впадала в дурноту, даже порезавшись.

Ремесло приносило Шуше неплохой доход. Хотя в ауле проживало не так много семей, рожали местные женщины охотно и помногу, ведь это было единственным доступным им занятием, не считая ведения хозяйства. Шуше рассуждала так: когда они с Джавадом помрут, Айбала останется одна, хозяйство постепенно придет в упадок, скотину придется пустить в расход или продать, за большим огородом ходить она не сможет. А повитухе или денег дадут, или круг сыра завернут в тряпицу, или мешок картошки приволокут. В общем, голодной не останется.

Сама Айбала, если и догадывалась о планах матери, никогда с ней об этом не говорила. Когда Шуше в первый раз взяла ее с собой на роды (Айбале тогда только исполнилось семнадцать), она ничем не помогала, просто молча стояла в отдалении и, сжав губы в тонкую ниточку, сосредоточенно наблюдала за процессом. Когда роженица принялась кричать особенно громко, извиваясь от боли и норовя пнуть Шуше ногой, Айбала внезапно подошла к нарам и положила обе руки на выпяченный живот страдалицы. Та как-то сразу успокоилась, перестала кричать, задышала тише и только стонала сквозь зубы, когда накатывала особенно сильная схватка. Ребенок родился меньше чем через час, Шуше принимала его сама. Айбала вновь отступила в глубь комнаты, про нее на время забыли, но, когда рядом с родильницей положили спеленатое дитя, та вдруг вспомнила о прикосновении прохладных ладоней и принялась искать Айбалу взглядом, а найдя, разразилась потоком благодарных слов, отчего Шуше испытала одновременно гордость за дочь и невольную зависть к взявшемуся у той невесть откуда дару.

Так с тех пор они и ходили вдвоем: Шуше принимала младенцев, а Айбала смотрела и накладывала ладони. Она не могла объяснить, как это делает; она вообще была немногословной.

Со временем выяснилось, что Айбала умеет снимать не только родовую боль, но и любую другую: зубную, головную, ежемесячную женскую, даже ломоту в суставах.

Странность заключалась в том, что ее дар действовал только на посторонних женщин. Когда у Шуше прошлой зимой прихватило спину, да так, что она два дня разогнуться не могла, Айбала по несколько часов просиживала у лежанки матери, держа ладони на ее пояснице, но легче Шуше не становилось. Спина неожиданно прошла сама, когда дойная корова, запертая в хлеву вместе с прочей живностью, внезапно вознамерилась умереть – вероятно, в сено попал крестовник¹. Услышав из-под пола² утробное мычание и грохот коровьего тела, бьющегося в судорогах о стенки клетки, Шуше подскочила и понеслась вниз, мигом позабыв про спину и прочие хвори. Корову удалось спасти, а спина с тех пор больше не болела. Но руки Айбалы были тут, безусловно, ни при чем.

Что до Меседу, то ее примерно раз в месяц мучили сильные головные боли. В такие дни она плотно занавешивала окно в спальне, ложилась на топчан, покрывала лоб смоченной в холодной воде тряпицей и лежала, боясь пошевелиться: любое движение вызывало позыв исторгнуть из себя все съеденное. Айбала пыталась помочь сестре, но попытки эти не приносили облегчения. В конце концов Меседу заявила, что таково испытание, ниспосланное ей

---

¹ *Крестовник* – сорное растение, многие виды которого вырабатывают алкалоиды, концентрация которых может вызвать отравление у людей и животных.

² В дагестанских аулах скотину зимой часто держат на полуподвальных этажах домов. Животные не только согреваются сами, но и отдают дому часть своего тепла, таким образом происходит его естественный круговорот.

Аллахом, и любая попытка облегчить ее страдания есть не что иное, как противление воле Его, что само по себе грех, не говоря уже о сомнительной способности Айбалы заговаривать боль.

Однако роженицы аула не разделяли мнения Меседу. Их не волновало, откуда взялся у Айбалы ее дар, и, корчась в схватках, они вряд ли задавались вопросом насчет угодности их боли Всевышнему. Таким образом, за четыре года Айбала облегчила родовые муки не меньше сотни раз, причем большинству женщин – дважды, а нескольким особо плодовитым – даже трижды.

Роды Фазилат ожидали со дня на день и надеялись, что ребенок потерпит до окончания снегопада или, если снегопад пришел надолго (а старожилы предрекали именно это), то хотя бы до ослабления морозов. В самом деле, кому охота выбираться из теплого материнского лона в самый что ни на есть лютый холод? Однако ребенок решил иначе, поэтому младший брат мужа Фазилат, Цевехан Мяршеев, был отправлен к Галаевым с наказом привести не только повитуху, но и ее дочь.

Шуше и Айбала, укутанные накидками поверх пальто, в башмаках на толстой подошве, осторожно, нащупывая ногой каждую ступеньку под толстым слоем снега, спустились с крыльца во двор и вышли за калитку.

Вокруг была непроглядная тьма. Луна, если и рискнула появиться в эту ночь на небе, сразу спряталась за тучами и снежной завесой. Все соседи спали, ни в одном окне не горел даже слабый огонек. Повесив сумку на плечо и крепко прижав ее к боку, Шуше другой рукой подхватила Айбалу под локоть – не столько заботясь о дочери, сколько полагаясь на ее молодые, а потому более крепкие ноги и хорошее зрение. Хотя она и ходила этой дорогой тысячи раз, в такую ночь предосторожность не была излишней.

Путь предстоял неблизкий: на другой конец аула, по извилистым улочкам, мимо спрятавшихся за каменными оградами домов с плоскими крышами, многоярусными террасами спускающихся по склону крутой горы к узкому ущелью далеко внизу.

Весной и летом улочки давали желанную прохладу, укрывали от палящих лучей солнца, позволяли любоваться окрестными видами, щедро открывающимися с любой точки аула, и являлись средоточием местной жизни. На перекрестье каменистых тропинок останавливались женщины, чтобы обменяться новостями или обсудить свежие сплетни, в тупике крайней улочки, у родника, парни караулили девушек, а те, конечно, об этом знали, но всякий раз возмущенно вскрикивали и норовили натянуть на лицо край платка, который почему-то все никак не хотел натягиваться.

Осенью проливные дожди превращали землю в вязкую, скользкую жижу, и даже доски, проложенные от одного дома до другого, не гарантировали удачного прохода без единого падения. Грязь заносилась в каждый дом, и хозяйкам приходилось мыть полы по два, а то и по три раза на дню. Не помогало ничего: ни резиновые калоши, ни разостланные в сенях влажные тряпки, ни стародавняя традиция оставлять уличную обувь у входа.

Зимой снег выпадал редко, а если и выпадал, то быстро таял. Легкий морозец прихватывал надоевшую за долгие осенние месяцы грязь, и по улочкам можно было сносно передвигаться.

Однако в иные зимы долину и горы окрест накрывала непогода. Небо становилось рыхлым, низким, зловеще-темным. Это были даже не тучи, а непроницаемый покров, на исходе второго или третьего дня прорывавшийся снегопадом, который продолжался иногда до нескольких недель. Аул становился полностью отрезанным от села, расположенного в долине за ущельем, куда вела единственная дорога-серпантин. Такие зимы случались в этих краях примерно раз в десятилетие, и предугадать их было невозможно, разве что по разрозненным приметам, поэтому, пережив несколько таких зим, хозяйки теперь каждый год готовились к ним заранее, на исходе лета заготавливая больше припасов, чем требовалось для прокорма

семьи и скотины. Еда зимой ценилась на вес золота и никогда не пропадала: самому завалыщему овощу хорошая хозяйка находила применение.

В ауле был магазин, в котором продавали самое необходимое: спички, соль, сахар, муку, подсолнечное масло, маргарин и кое-какие крупы. Очень редко и почему-то только в теплое время года завозили консервы: говяжью тушенку в жестяных банках, рыбное месиво в томатном соусе или фасоль в собственном соку. Весть об этом разносилась по аулу еще до того, как грузовик, доставлявший из долины товары, можно было разглядеть невооруженным глазом. Директор магазина (он же – продавец, кассир, кладовщик и сторож) Коркмас Сулейманов понимал, что в ближайшие часы присесть ему не придется, когда видел внезапно образовавшуюся волну женщин, которых некая неведомая сила сгоняла из домов на площадь; многие даже не успевали снять передники, а у некоторых руки были запорошены мукой. И точно: спустя четверть часа у магазина, взвизгнув шинами, лихо тормозил издававший виды грузовик с крытым кузовом, и Коркмас начинал приемку товара. Прежде чем разложить дефицитные банки на полках и распахнуть перед женщинами запертую на шпингалет дверь, он припрятывал коробку-другую в сарае, служившем складом, для своей матери, жены, тещи, двух замужних дочерей и вдовой сестры: негоже им толкаться в общей очереди, имея в родственниках директора магазина.

Консервы припасали к зиме и использовали, только когда все домашние припасы подходили к концу. Также закупали впрок масло, муку, соль и сахар. Если на аул обрушивалась метель и дорогу заносило снегом, доставка продуктов прекращалась и полки магазина стремительно пустели. Последней всегда заканчивалась соль, и тогда Коркмас вешал на дверь табличку с сердитой надписью: «Ничего нет! Закрыто!», запирали магазин и уходил домой – ждать следующего грузовика.

Нынешний снегопад побил все рекорды: он продолжался уже больше трех недель и останавливаться явно не собирался. Дороги превратились в едва проходимые тропинки, по обеим сторонам которых громоздились сугробы высотой с каменные ограды. Единственным расчищенным от снега местом оставался *годекан*³, по периметру которого рассредоточились мечеть, начальная школа и магазин. Мороз то отступал, то снова крепчал, но самым неприятным был пронизывающий ветер, проникавший в самые кости даже через несколько слоев одежды.

И Фазилят Мяршоева не нашла ничего лучше, как начать рожать в такую ночь.

Шуше знала наперечет всех беременных в ауле. К счастью, сроки у них были гораздо меньше, чем у Фазилат: от шести до двадцати недель, за исключением Джамили Джабаровоной, которая носила седьмого ребенка и ожидала роды в конце января.

Дом Мяршоевых стоял на самом краю аула. Задней стеной он прилепился к горному выступу, нависавшему над крышей огромным каменным козырьком. Когда Шуше была маленькая, она боялась, что козырек вот-вот обвалится и убьет всех в доме. Когда ее подруга Сабира вышла замуж за Айдамира Мяршоева и переселилась к нему, Шуше все никак не решалась зайти к ней в гости и пришла только когда Сабира собралась рожать первенца. Пришла не как подруга, а как помощница повитухи: мать, предчувствуя скорую свою смерть, спешно передавала Шуше семейное ремесло. Той пришлось набивать руку в том числе на Сабире, которая потом родила еще четверых, остановившись на Цевехане – том самом, который прибежал за Шуше и Айбалой в эту выжнюю ночь.

Едва войдя в сени, Шуше поняла: что-то не так. Фазилят стонала не как обычно, а это почти наверняка означало осложненные роды.

---

³ *Годекан* – общественный центр в селе, специальная площадь, на которой собирается мужское население для обсуждения различных проблем и проведения досуга.

Это был третий ребенок Фазилат, двух мальчиков-погодков она родила достаточно легко. Айбала присутствовала при рождении младшего, но наложить ладони толком даже не успела: Мурадик выскочил из материнского лона как пробка из бутылки с забродившей тутовой наливкой.

Шуше помнила стоны Фазилат, как и всех рожениц аула. Каждая стонала на свой лад, в определенной тональности, и причитания у каждой были свои. Кричать в голос считалось неприличным, и такое порицалось. Хотя мужчины, по давней аварской⁴ традиции, с началом схваток сразу же покидали дом, уходя переждать к родственникам, крики роженицы могли услышать с улицы и навсегда заклеить ее обидным прозвищем, да и мужу такой женщины был позор.

В этот раз Фазилат стонала со странными подвываниями, переходящими в покрикивания, а там и до настоящих криков недалеко.

Шуше быстро сняла накидку, пальто и ботинки; то же сделала Айбала. Они вошли в жарко натопленную переднюю комнату, и к ним тут же кинулась Сабира.

– Вай, плохо Фазилат! Совсем бедняжке плохо.

– Что не так? – сухо спросила Шуше.

Она сердилась на подругу за то, что та прислала неразумного Цевехана, хотя и не решила еще, надо ли той за это выговаривать или достаточно обойтись тоном, который говорил сам за себя.

– Вай, не знаю! – Сабира хлопнула себя по бедрам. – Пойди сама посмотри.

– Когда началось? – спросила Шуше, скинув кофту и высоко закатав рукава платья.

– Сразу после обеда. Только мы хинкал поели, Фазилат стала со стола убирать и за живот схватилась, тарелку разбила даже.

– Как это – после обеда? – Шуше нахмурилась. – Что же тогда Цевехан...

– Да неразумный он, нашла кого спрашивать!

– А ты нашла кого посылать! – огрызнулась Шуше. – Больше никого в доме не было, что ли?

– Так Айдамир и Агабек сразу ушли, к старшему моему ушли, а Малика совсем хворающая стала со вчерашнего дня, пожалела я ее в такой мороз через весь аул гнать.

– Ладно. Лей давай.

Шуше склонилась над тазом и вытянула руки.

Сабира подняла с пола тяжелый глиняный кувшин с горячей водой и стала лить Шуше на руки ниже локтя. Когда в тазе скопилось достаточно воды, Шуше окунула в нее кисти, как следует прополоскала и вытерла чистым полотенцем, которое подала ей Сабира.

В этот момент Фазилат закричала. Шуше строго взглянула на Сабиру, та всплеснула руками:

– Вай, говорю же, плохо бедняжке! Разве б она себе позволила?..

Комната, в которой традиционно рожали женщины Мяршоевых, располагалась в задней части дома, подальше от улицы, чтобы, случись какой конфуз (как сейчас с Фазилат) не услышали соседи или прохожие.

У дальней стены стояли деревянные нары, застланные старыми простынями, которые потом выбросить не жалко. В центре комнаты с потолка свисала веревка,⁵ которой пользовалась еще свекровь Сабиры и сама Сабира, а вот Фазилат отказывалась. Возле нары стоял стол с керосиновой лампой, а дальше – дровяная печка, лохань для обмывания новорожденного и люлька.

---

⁴ Аварцы – дагестанский народ, один из коренных народов Кавказа.

⁵ По давней аварской традиции, роженица во время схваток держалась за веревку, прикрепленную к потолку, и ходила по комнате кругами, поддерживаемая родственницей или повитухой. Считалось, что это помогает легче переносить схватки и ускоряет процесс родов.

Фазилат лежала на нарах в одной рубахе, согнув ноги в коленях и обхватив руками огромный живот. Ее лицо было мокрым от пота или слез, влажные волосы облепили щеки, в глазах плескалось страдание. Увидев повитуху и ее дочь, она облегченно вздохнула и попыталась улыбнуться, но, застигнутая новой схваткой, выгнулась и застонала сквозь стиснутые зубы.

– Бисмилляхир-рахманир-рахим⁶, – пробормотала Шуше.

Айбала эхом повторила за матерью.

– Ох, как больно, Шуше Наврузовна! – простонала Фазилат. – Раньше так не было.

– Прямо уж и больно, – ворчливо сказала Шуше, присев на краешек нар.

– Словно что-то ребенка не пускает, держит внутри...

– Почему так поздно за мной послали?

– Не знаю я, ох, Айбала, помоги ради Аллаха! – взмолилась Фазилат. – Сил нет терпеть.

Айбала шагнула к нарам, но Шуше решительно отодвинула дочь и сказала:

– Погоди. Сперва посмотрю.

Она задрала на Фазилат рубаху и принялась ощупывать живот, а та постанывала от боли, но терпела. Дойдя до низа живота, Шуше нахмурилась. Пальцы задвигались медленнее, задерживаясь на определенных точках и возвращаясь туда, где недавно были. Потом, без всякого предупреждения, Шуше засунула руку по самое запястье внутрь Фазилат. Та дернулась и охнула, но не пошевелилась, помня крутой нрав повитухи. Если роженица не слушалась указаний Шуше или вела себя непочтительно, она просто вставала и уходила, а ближайшая родственница несчастной бежала за Шуше по улице и умоляла вернуться, суля щедрое вознаграждение.

Вытащив из Фазилат руку, Шуше нахмурилась. Айбала, внимательно наблюдавшая за матерью, поняла: что-то не так с ребенком или с Фазилат.

– Что? – испуганно спросила Фазилат, приподнявшись на локтях и с тревогой взглядываясь в лицо повитухи.

– Ребенка чувствовала сегодня?

– Утром почти нет, а когда схватки уже пошли, пинался сильно. Потом затих.

– Куда пинался?

– Сюда.

Фазилат ткнула в левую нижнюю часть живота.

– Тяжелое поднимала?

– Нет, я знаю, что нельзя.

– А в последние дни по темноте выходила одна из дому?

– Один раз всего! За день до снегопада, очень надо было к Джамиле, да ведь она тут рядом живет, в соседнем доме, я быстро...

– Хлеб или сахар клала в карман от сглаза?

– Нет, – повинно ответила Фазилат и застонала, вцепившись пальцами в простыню.

– Ребенок твой неправильно лежит. Ногами вниз, да еще поперек. Поэтому выйти не может.

– Вай... И что делать?

– Переворачивать! – сердито отрезала Шуше и повернулась к Айболе:

– Иди руки мой. Помогать будешь. Скажи Самире, чтобы как следует полила, воды не жалела. И пусть сюда потом придет. Ее помощь тоже понадобится.

В обычно многолюдном доме Мяршоевых, разделенном, как большинство домов в ауле, на мужскую и женскую половины, было непривычно тихо. Свекор и муж Фазилат ушли в соседний дом к семейному Рахману, старшему сыну Самире и Айдамира. Туда же наверняка отпра-

---

⁶ «Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного» – эту фразу каждый правоверный мусульманин произносит перед любым важным начинанием, надеясь на его благоприятный исход.

вился Цевехан. Младшая дочь Мяршоевых, Малика, плохая головой и потому в свои двадцать пять окончательно незамужняя, сильно простудилась и не выходила из спальни, чтобы не заразить невестку. Сыновья Фазилат, четырех и трех лет, давно спали.

Айбала немного поплутала по темным закоулкам женской половины и наконец вышла в переднюю комнату, совмещенную с кухней.

На плите закипала в двадцатилитровом чане вода, которой для родов требовалось очень много. Свекровь Фазилат месила на покрытом клеенкой столе тесто для утренних чуду⁷; ее полные, припорошенные мукой руки энергично двигались, разминая и растягивая эластичный кусок теста, сбивая его в почти идеальный круг, расплющивая и снова растягивая. Лицо у Самиры было таким яростным, словно она вымещала на тесте все свои беды. С простудой Малики и родами Фазилат все хозяйство легло на ее плечи, и если от Малики еще можно было ожидать, что она скоро поправится, то Фазилат на ближайший месяц, пока будет длиться нифас⁸, освобождалась от домашних дел: ей следовало восстанавливать силы и заниматься только ребенком.

– Самира Гапуровна, маме ваша помощь нужна.

– Что говоришь? – Самира положила тесто в миску, прикрыла тряпицей и подошла к Айбале. – Слышать плохо стала, будто воском залили уши.

– Ребенок неправильно лежит, выйти не может. Надо маме помочь. – Айбала завернула рукава платья и подошла к тазу. – Полейте мне на руки.

– Вай, говорила ей – не ходи из дому вечером! – Самира ударила себя в грудь, оставив на кофте мучные разводы. – Как в глаза своему Агабеку смотреть стану, если его дети сиротами останутся? Ведь кровью истечет, как сестра моя покойная, в ней тоже ребенок застрял, достать не смогли, и как она мучилась, как кричала, бедняжка...

Самира продолжала стенать, колотя себя по груди и бедрам, поэтому Айбала сама сняла с чана крышку, увернувшись от горячих клубов пара, зачерпнула полный ковш кипятка, вылила в таз с остывшей водой. Потрогала: терпимо. Опустила в таз руки, хорошенько потерла, прополоскала. Насухо вытерла полотенцем, которым до нее вытиралась Шуше. И тихо, внушительно сказала:

– Теперь вы, Самира Гапуровна. Быстрее надо.

Свекровь Фазилат удивленно моргнула, замолчала на полуслове, словно кто-то выключил звук у надоевшего радио, и уставилась на Айбалу.

Темные глаза девушки, казалось, заглядывали ей в самую душу. Айбала смотрела вроде и с почтением, но в то же время в ее взгляде читалось осуждение. Самира почувствовала себя неуютно под этим обличающим взглядом. Посмотри так на нее одна из дочерей или невесток, Самира тут же поставила бы нахалку на место. Но Айбала была дочерью повитухи и сама будущая повитуха, поэтому Самира невольно робела перед ней, испытывая смутное благоговение, веками передававшееся от матери к дочери и от бабушки к внучке. Повитуха была больше чем женщиной: она была хранительницей жизней, материнских и детских. И даже подумать о ней плохо граничило со святотатством.

Айбала к тому же обладала бесценным даром, и когда прошлой весной у Самиры воспалился зуб, только прохладная ладонь Айбалы, приложенная к раздутой щеке и на время утишившая нестерпимую боль, позволила Самире продержаться до амбулатории, куда ее отвез старший сын, у которого была машина – древняя, как сам аул.

Самира подошла к тазу и принялась отмывать руки от присохшего теста. Она знала, что просто так Шуше бы ее не позвала; значит, с невесткой и правда что-то не то, не стала бы она

---

⁷ *Чуду* – традиционное дагестанское блюдо, лепешки с начинкой, обжаренные на сухой сковороде. Тесто может быть пресное, кисломолочное или дрожжевое. В качестве начинки используется мясо (баранина или говядина) с зеленью, овощи, сыр или творог.

⁸ *Нифас* – послеродовое состояние женщины, связанное с физиологическими выделениями; составляет около 40 дней.

так кричать, особенно после того как двоих родила. Ох, не остался бы только Агабек вдовцом, ведь тогда трое малых детей на ее плечи лягут, пока он снова не женится.

Айбала вернулась в родильную комнату и увидела, что на Фазилат уже нет рубахи. Она кусала зажатую в зубах тряпицу, отчего стоны звучали глуше. Шуше, пристроившись между ног Фазилат, запустила правую руку вовнутрь, а левой ощупывала живот, словно пыталась отыскать под туго натянутой кожей нечто важное, никак ей не дающееся.

– Где ходишь? – не поворачивая головы, раздраженно буркнула она. – Иди сюда.

В этот момент Айбала окончательно поняла то, о чем давно догадывалась: мать хочет, чтобы она тоже стала повитухой. Не просто облегчала женщинам боль, а сама принимала роды. Это было, в общем, вполне ожидаемо: ее старшие сестры, не испытывавшие склонности к родовспоможению, поспешили выйти замуж и уехать из аула, а младшая до дурноты боялась крови и наотрез отказалась сопровождать мать, когда та однажды вознамерилась взять ее с собой.

Айбала не боялась крови, а стенания рожениц не вызывали у ней ни сочувствия, ни жалости, ни страха от ожидания подобной участи. Она знала, что ей не суждено испытать родовые муки, ведь для этого надо стать замужней, а с ней такое никогда не случится. Айбала не испытывала иллюзий относительно своей внешности. Она с детства понимала, что не обладает и малой толикой красоты, доставшейся Зайнаб и Гезель.

В младшей школе Айбалу дразнили вороной, в средней, которую она окончила в четырнадцать, – каланчой. Айбала продолжала расти до двадцати лет и остановилась совсем недавно, перемахнув отнюдь не маленького отца и почти достигнув уровня дверной притолоки. Девочкой она постоянно задевала тазы и сковородки, а однажды смахнула кастрюлю с закипавшим бульоном для хинкала, лишь чудом не ошпарившись; вся семья тогда осталась без обеда. С тех пор мать не допускала ее до кухни, и готовкой занимались Зайнаб и Гезель: обе ладненькие, тонкокостные, с нежными овалами лиц и ямочками на щеках.

Меседу тоже уродилась красавицей – не зря получила при рождении свое имя⁹, – но ходила с отрешенным и строгим выражением лица, а с недавних пор покрылась¹⁰, так что теперь не то что из дома, а даже из женской половины не выходила без никаба¹¹.

Айбала любила сестер и очень грустила, когда сперва Зайнаб покинула дом, а через год – Гезель. Если бы они остались в ауле, Айбале было бы проще смириться с их замужеством. Но они были слишком хороши для местных мужчин, как любила говорить соседкам Шуше, потому и уехали в большие села, где и медицина, и школы для детей, и магазины, а их мужья не чурбаны малограмотные, а уважаемые люди при должностях и при деньгах.

Айбала знала, что скоро наступит очередь Меседу. Со слов матери она поняла, что жених уже есть на примете: местный, из аула. Только и ждут, когда Меседу исполнится шестнадцать, а это совсем скоро, в начале февраля. Айбала знала, что с замужеством младшей сестры на ее плечи ляжет все хозяйство. Отец с прошлой весны мучился легкими, постоянно кашлял, ездил даже в районную больницу, где ничего ему толком не сказали, а мать, хоть и была еще крепка и ничем серьезным не болела, все силы отдавала роженицам, и устала уже, и хочет спокойной старости. Поэтому для Айбалы существовало два пути, если она не хотела надорваться раньше времени: или выйти замуж (но этот вариант казался настолько невозможным, что она его не рассматривала), или стать повитухой и самой зарабатывать на хлеб, получив тем самым толику независимости и уважения, которые все мужчины, даже самые никчемные, получают по одному лишь праву рождения.

---

⁹ Меседу (аварск.) – красавица, царевна.

¹⁰ Покрылась – то есть приняла осознанное решение носить одежду, полностью закрывающую тело и лицо.

¹¹ Никаб – мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз. Чаще всего из ткани черного цвета.

Смирившись с фатальной несуразностью своей фигуры – высоким ростом, длинными руками, большими ступнями, – Айбала приучила себя быть как можно более незаметной, когда появлялась в людных местах. Она одевалась в темное, носила мужскую обувь на плоской подошве и держала глаза опущенными, даже если рядом были только женщины, а заговаривала лишь тогда, когда к ней обращались, понижая голос до необходимого минимума, чтобы ее ответ могли услышать.

Айбале была уготована незавидная участь изгоя, и она избежала ее лишь по счастливому стечению обстоятельств: сперва благодаря ремеслу матери (Шуше беспрекословно уважали не только женщины, но и мужчины, и это уважение распространялось на всех членов ее семьи), а с семнадцати лет – благодаря своему внезапно открывшемуся дару, тем более ценному, что врачей в ауле, несмотря на установившуюся в Дагестане более полувека назад советскую власть, отродясь не водилось. Местные жители справлялись с хворями как могли: заваривали травы, зывали к Всевышнему, а чаще просто терпели, пока пройдет та или иная боль. И если мужчинам от дара Айбалы было ни горячо ни холодно, женщины, завидев ее, заискивающе улыбались и преувеличенно душевно приветствовали. Айбала, не привыкшая к такому отношению, поначалу смущалась, потом привыкла. Но несмотря на повышение своего статуса в глазах односельчан, по-прежнему говорила тихо и не поднимала на собеседника взгляд.

И только в своей комнате, плотно закрыв дверь и убедившись, что ее никто не потревожит, Айбала могла ненадолго скинуть груз, давивший на плечи. Сняв по-старушечьи повязанный платок и распустив волосы, она вставала у окна и, бездумно глядя на каменную кладку ограды, грезила об иной, не связанной с аулом жизни: незнакомой, свободной, смутно-тревожной, одновременно желанной и пугающей.

Волосы были ее единственным украшением: густые, тяжелые, достающие до поясницы, темно-каштановые, вьющиеся у висков. Без платка Айбала чудесным образом преображалась: лицо приобретало форму овала, крупный нос зрительно уменьшался, и даже ростом она становилась как будто ниже.

Но кроме матери и сестер, волос Айбалы никто не видел, а они не считали, что без платка Айбала становится хоть немного краше. Наоборот, в такие моменты Шуше сердито просила дочь прибрать волосы, потому что «ее и так слишком много». Айбала чувствовала, что раздражает мать, и испытывала смутное чувство вины за то, что родилась не мальчиком. Хотя виной следовало бы мучиться Меседу, ведь именно она была последним ребенком Шуше и Джавада, а значит, их последней надеждой все те месяцы, пока Шуше ее носила. Но все мысли Меседу были о Всевышнем, а если когда-нибудь она и думала о том, что лучше ей было родиться мальчиком, то совсем в иной связи: она хотела бы учиться в медресе¹², а девочек туда не принимали.

В ауле имелась только начальная школа, рассчитанная на три класса. Среднее образование дети получали в селе, до которого нужно было идти более семи километров пешком: сначала по горной дороге, потом по ущелью вдоль русла реки и дальше мимо сельхозугодий и фруктовых садов долины. Чтобы не ходить ежедневно туда-обратно, дети всю неделю жили в интернате при школе, приходя домой в субботу после обеда, а в понедельник утром возвращаясь обратно.

Зимой, во время снегопада, когда дорогу всего за несколько часов полностью заносило снегом, дети становились невольными заложниками непогоды: или дома (если не успевали вернуться в школу после выходных), или в интернате. По этой причине девочек неохотно отпускали учиться в село и забирали домой при первой возможности, особенно если девочка в семье была одна, то есть единственная помощница матери.

Особенно рьяно противились обучению девочек отцы. Мужчины, по большей части сами малограмотные, послушав очередную проповедь муллы о вреде женского образования, выби-

---

¹² *Медресе* – мусульманское учебное заведение, сочетающее роль средней школы и духовной семинарии.

рали наиболее, с их точки зрения, правильный путь: просто-напросто не отпускали дочерей в школу после очередных каникул, особенно если те уже достигли двенадцатилетнего возраста, когда по исламским канонам девочка становилась потенциальной невестой. И пусть замуж давно уже отдавали с шестнадцати (редко – с пятнадцати), сей незначительный факт отцов не волновал. Дочь должна сидеть дома. Только там она может чувствовать себя полностью защищенной от соблазнов, которые в большом селе подстерегают на каждом шагу. В былые времена считалось редкостью, если девочка умела хотя бы читать. А теперь все стали грамотные, а от грамотности до распущенности – один шаг. Нет, говорили отцы, собираясь на годекане после пятничной молитвы, пусть дочери учатся ведению хозяйства и готовят приданое. А со школой они, отцы, как-нибудь договорятся.

И ведь действительно договаривались. Почти у каждого имелась в долине родня: или в школе, или в сельсовете, а у Хакима Халгиева, директора и учителя начальной школы, так даже в районном отделе образования: его двоюродная тетка была замужем за заместителем начальника района. Поэтому на то, что та или иная девочка внезапно переставала посещать занятия, учителя смотрели сквозь пальцы, тем более школа, единственная на все село и прилегающие аулы, с трудом справлялась с нагрузкой: дети учились в две смены, классы были переполнены, учебников не хватало, а учителя вели по несколько предметов. Да и учились девочки посредством, редко выбиваясь в хорошистки, а чаще не вылезая из слабеньких троек. У учителей еще хватало сил, чтобы дотягивать до среднего аттестата мальчиков, а на девочек они давно махнули рукой: все равно выйдут замуж и засядут дома, вести хозяйство и нянчить детей. Ну а если какая захочет всерьез выучиться (порой случалось и такое), то она справится без посторонней помощи.

Айбале нравилось учиться. Она была смышленной, легко усваивала материал, хорошо запоминала, а большего в школе не требовали. Невероятное везение, что ей удалось доучиться до седьмого класса, объяснялось тем, что Шуше помогали по хозяйству Зайнаб и Гезель, а еще тем, что шансы Айбалы выйти замуж были очень малы (если только пойти к вдовцу или к старику младшей женой; но Джавад не хотел такой участи ни для одной из своих дочерей).

Муж Шуше, будучи практичным и неглупым человеком, рассуждал так: если Айбала переймет ремесло матери, какие-никакие знания, в том числе из мудреной науки биологии, ей пригодятся, поэтому пусть учится, тем более на нее, с такой внешностью, вряд ли кто позарится, и эта неказистая внешность уберезет ее от греха. Единственное условие, которое Джавад поставил дочери, – никакого интерната. Айбала должна была каждый день возвращаться домой до темноты, поэтому зимой ей часто приходилось пропускать последние два урока, чтобы успеть подняться по горной дороге до того, как на аул опустится сумрак. Каждое утро она вставала в пять часов, съедала лепешку и пускалась в обратный путь, в хорошую погоду занимавший около двух часов. Уроки начинались в восемь, а перед этим нужно было успеть позавтракать в школьной столовой, где давали горячую кашу с кусочком масла или овечьего сыра.

В четырнадцать лет Айбала получила аттестат о неполном среднем образовании, отдала его отцу и с тех пор о нем не вспоминала. Первое время она скучала по урокам и книгам, которые раньше приносила домой на каникулы из библиотеки. Но достать книги в ауле было невозможно, а его пределов она больше не покидала.

С окончанием школы Айбала вновь стала принадлежать только семье. С каждым днем воспоминания об уроках и полученных на них знаниях становились все более размытыми, вытесняясь круговертью повседневных забот. Первыми стерлись из памяти непонятные и бесполезные математические формулы, потом даты исторических событий, сложные словосочетания русского языка, основы черчения. . . Остались только знания, полученные на уроках биологии, которую Айбала любила больше даже, чем аварский язык и литературу. Она хранила тетрадки по биологии в коробке из-под консервов, выпрошенной у Коркмаса Сулейманова.

Иногда, когда в комнате не было Меседу, Айбала пересматривала свои записи с пометками на полях и рисунками лекарственных растений, неумело скопированными из учебника. Она мечтала, как летом уйдет в горы, поднимаясь все выше и выше по пастушьим тропам, с холщовой сумкой на плече, в которую будет складывать полезные травы, о которых она узнала от учительницы биологии. Но отец нипочем не отпустил бы ее в горы одну, так что это были только мечты.

Айбала понимала, что мать передаст ей свое ремесло независимо от ее желания, и не видела смысла в бесплодных размышлениях о том, хочет ли она стать повитухой. В конце концов, это было не такое уж сложное дело. За четыре года Айбала видела достаточно родов и хорошо помнила последовательность действий матери, вот только ребенка она еще ни разу сама не принимала.

За всю свою многолетнюю практику Шуше еще не сталкивалась с испытанием, которое в эту ненастную ночь ниспослал ей Аллах. Если у нее не получится перевернуть ребенка в утробе Фазилат, оба погибнут: плод от удушья, а роженица – от болевого шока или кровопотери. Ребенок не просто лежал ножками вперед, а расположился по диагонали. Если бы ее позвали раньше, до того, как у Фазилат отошли воды, Шуше могла бы успеть задать ребенку правильное положение, используя наружные методы воздействия на плод, которые она применяла довольно успешно, даже если малыш попадался упрямый и не хотел сам переворачиваться (обычно это были мальчики, девочки перед родами послушно опускались головой вниз). Но теперь, в активной стадии родов, когда околоплодный пузырь лопнул и шейка полностью раскрылась, ситуация усложнилась. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы ручка плода выпала в родовые пути и застряла там. На фоне усиливающихся схваток матка могла разорваться. Ребенка нужно было срочно переворачивать и выводить ножками вперед.

Одной рукой Шуше ухватила малыша за ножку, а другой, остававшейся снаружи, пыталась нащупать головку, чтобы задать ей верное направление. Проблем добавляла Фазилат, которая не хотела лежать спокойно. Она извивалась так, что Шуше уже несколько раз теряла с таким трудом нащупанную головку.

Терпение Шуше иссякло как раз в тот момент, когда вернулась Айбала.

– Где тебя носит? – не поворачивая головы, раздраженно бросила она дочери. – Иди сюда. Айбала подошла к нарам.

– Смотри, я держу ребенка за одну ножку, а надо, чтобы он обеими ножками сюда вошел. Но голова у него не вот тут, – Шуше указала на диафрагму Фазилат, – а вот тут, – она ткнула в область печени, где Айбала и сама заметила бугорок, туго натянувший влажную от пота кожу Фазилат.

– Надо, чтобы ребенок лег вертикально? – догадалась она.

– Да. Нащупай головку и направляй вот сюда, только осторожно, не дави. Повернем ребенка одновременно, когда схватка закончится. Слышишь, Фазилат? – громко сказала Шуше, пытаясь перекрычать роженицу. – Скажи, когда схватка пройдет. Только сразу скажи, успеть надо, поняла?

– Ох, Шуше Наврузовна, да оно уже не кончается!

– Ну-ну, поспорь со мной еще! Если на схватке ребенка повернем, плохо будет и тебе, и ему.

Айбала положила ладони на туго натянутый живот Фазилат, стараясь не смотреть на ее искаженное болью лицо и не обращать внимания на тяжелый запах пота, крови и страха.

Обычно перед началом потуг живот опускался книзу, вместе с вошедшей в родовые пути головкой; облегчая роженицам боль на этой стадии, Айбала всегда чувствовала под ладонями движение плода, но сейчас ее пугала странная неподвижность внутри Фазилат, хотя по всем признакам ребенок уже должен был появиться. Внезапно Фазилат дернулась, раздираемая оче-

редной схваткой, и Айбалу словно отбросила от нар невидимая сила. Она недоуменно посмотрела на роженицу и шагнула обратно, но в этот момент открылась дверь и вошла Сабира.

– Наконец-то! – с чувством сказала Шуше. – Держи ее уже, да?

Сабира, встав в изголовье, попыталась поймать руки Фазилат и прижать их к нарам, но та, обезумев от боли и страха, металась и отбивалась от свекрови.

– Не буду больше у нее роды принимать, так сыну и скажи, чтобы крепко на потом подумал, поняла? – всерьез рассердилась Шуше, решив, видно, высказать подруге за недавнюю, хотя и не по ее вине допущенную промашку с Цевеханом. – А если он опять ту же глупость совершит, так ищите другую повитуху, вот хоть в район за ней посылайте, а я сюда больше не приду.

– Фазилат, дай Шуше свое дело делать! – увещевала Самира, пытаясь удержать бившуюся в агонии невестку.

Айбала, не обращая внимания на происходящее, снова положила ладони на живот Фазилат и прижала их крепче. Живот был горячим, и Айбала словно вбирала в себя этот жар, вытягивая боль, раздиравшую Фазилат изнутри.

Шуше кричала Сабире, чтобы держала эту дуреху, Айбале – чтобы вместо этих глупостей она нашла наконец головку, а роженице грозила всеми карами небесными, но ни одна из них ее не слышала. Комната наполнилась какофонией звуков: Сабира увещевала, Шуше ругалась, Фазилат кричала.

Внезапно Айбала почувствовала перемену в Фазилат. Ее живот стал не таким напряженным, а крики – не такими громкими. Она перестала метаться и, мелко дрожа, вытянулась на нарах. Ее бледное, потное лицо в обрамлении влажных волос казалось застывшей маской.

– Вай, отходит! – испуганно вскрикнула Сабира.

Айбала знала, что Фазилат не умирает, это подействовали ладони, но не знала, надолго ли.

– Быстрее, мама, – сказала она.

Шуше удивленно взглянула на дочь, поняла и кивнула. Был момент, когда она, растерянная и напуганная возможной (и даже более чем вероятной) смертью роженицы и ребенка, позволила отчаянию взять верх, но совладала с собой и принялась отдавать распоряжения Айбале и Сабире.

Сабира прижала плечи невестки к нарам, навалившись на нее всем своим немаленьким весом и зафиксировав так, что та не могла пошевелиться. Айбала нащупала головку ребенка и ждала сигнала матери. В промежутке между схватками Шуше развернула ножки в сторону родового канала, действуя синхронно с Айбалой, и ребенок переместился из диагонального положения в вертикальное.

Со лба Шуше катился пот, лицо прорезали глубокие морщины, оно посерело от напряжения. Критический момент миновал, роды вошли в финальную стадию. Но схватки неожиданно прекратились. Фазилат, лежа на спине, не могла вытолкнуть ребенка. Шуше не хотела сама вытаскивать младенца, чтобы не травмировать его, и надеялась, что природа сделает свое дело. Она была сторонницей минимального вторжения в родовый процесс – это снижало риск возникновения родовых травм – и вмещивалась, только когда понимала, что времени больше нет. Одно дело – повернуть младенца в матке, и совсем другое – вытащить его за ножки, когда матка не может протолкнуть к выходу самую крупную часть тела – голову.

– Вставай! – велела Шуше. – Подними ее, Сабира.

Фазилат, стеная, поднялась с нар, поддерживаемая свекровью. Она обвела комнату мутным взглядом и остановила его на Айбале, но вряд ли ее узнала.

– Иди к веревке.

– Не могу ходить, сил не осталось... Лучше я обратно лягу.

– Иди, сказала! – прикрикнула Шуше. – Вот как ты, Самаира, невесток своих воспитываешь? Это зачем она мне через слово возражает? Это она и тебе так возражает? Или, может, мужу своему так возражает? Поговори с ней, хорошенько поговори, или не приду сюда больше, поняла, да?

– Поняла, Шуше, поняла. – Сабира подтолкнула Фазилат в центр комнаты, сунула ей в руки свисавшую с потолка веревку и шлепнула ниже спины. – Давай ходи, или, клянусь Аллахом, скажу Агабеку, чтобы разводился с тобой!

Тяжело повиснув на веревке, Фазилат принялась ходить по комнате кругами, широко расставив ноги. Это должно было приблизить потуги. Сабира, пристыженная позорным поведением невестки, отошла в дальний угол и наблюдала оттуда.

Дверь приоткрылась, явив любопытное лицо Малики, но Сабира злобно цыкнула на дочь, и та мгновенно исчезла.

– Мешает мне там, – внезапно пожаловалась Фазилат.

– Стой! – велела Шуше и заглянула ей между ног. – Иди ложись обратно.

Фазилат с видимым облегчением вернулась на нары. Но Шуше и тут не оставила ее в покое.

– Тужься давай. Тужься сильнее, кому говорю! Дай уже ребенку выйти, что ты мучаешь его? Думаешь, он потом тебе спасибо скажет, если вообще говорить после такого сможет?

Фазилат запыхтела и напряглась, из последних сил пытаясь вытолкнуть ребенка.

– Вай, молодец, – похвалила Шуше. – Смотри, Айбала, ножка показалась.

Айбала увидела сначала пяточку, а потом всю ступню: крохотную, сморщенную, красную. Раньше ей уже приходилось видеть, как ребенок выходит ножками. Она знала, что Фазилат должна как следует постараться, чтобы родить головку. Но сил у Фазилат не осталось. Ребенок мог задохнуться без воздуха. Поэтому Шуше, попутно объясняя Айбале каждое действие, сама извлекла ребенка, опутанного пуповиной, синюшного и вялого, словно тряпичная кукла.

– Почему он не кричит? – дрожащим голосом спросила Фазилат.

– Потому что мать у него – дура! – отрезала Шуше.

Она перерезала пуповину прокаленными на огне ножницами, перевязала лоскутком, смазанным маслом, и весело добавила:

– И это не он, а она.

Очистив рот и нос девочки от слизи, Шуше перевернула ее, шлепнула по попке, и та возмущенно запищала. Айбала облегченно выдохнула. Она подумала о том, насколько зыбка тонкая грань между жизнью и смертью и как много в такие моменты зависит от повитухи.

Передав младенца Сабире, Шуше занялась родильницей. Нужно было выгнать послед и остановить кровотечение: простыни под Фазилат промокли. Айбала слушала, смотрела и запоминала. Периферийным зрением она видела, как Сабира обмывает девочку и пеленает ее, но при этом полностью сосредоточилась на словах и действиях Шуше.

Жизнь девочки находилась вне опасности, чего нельзя было сказать о Фазилат. Она испытала болевой шок, потеряла много сил, а теперь стремительно теряла кровь.

– Сабира, иди быстро сухую крапиву завари, – велела Шуше. – И простыню другую принеси, а лучше две.

– Где столько простыней взять? – буркнула Сабира, положив девочку в люльку и направляясь к выходу. – Одни беды с этой никчемной. Надо было не ее, а Фирюзу за Агабека сватать. Нет же, пошла у него на поводу... – Она вышла из комнаты, продолжая бормотать себе под нос.

Малышка, оставшись в одиночестве, захныкала. Ее жалобный плач напоминал писк голодного котенка.

– Дайте ее, – попросила Фазилат.

– Куда тебе? – скинулась Шуше. – Не видишь, сколько крови?

– Пожалуйста! – Фазилат поймала взгляд Айбалы и повторила: – Пожалуйста...

Айбала вынула из люльки невесомое тельце, запеленатое в кусок мягкой ткани. Девочка была некрасивая: сморщенное старушечье личико, приплюснутый нос, гематома на лбу...

И светлые пшеничные волосы.

Айбала оторопело смотрела на ребенка. В момент рождения девочка была вся в крови и слизи, потом Сабира выкупала ее, а мокрые волосы всегда выглядят темнее. И только высохнув, они приобрели свой истинный цвет.

В этот момент девочка приподняла припухлые веки и посмотрела на Айбалу мутным взглядом васильковых глаз.

Первым порывом Айбалы было положить ребенка обратно в люльку. Фазилат пережила шок, зачем ей новое испытание? Как она объяснит свекрови цвет волос и глаз дочери? А мужу что скажет? В ауле отродясь не водилось голубоглазых блондинов. Если только в селе, и то навряд ли, а Фазилат никуда из дома не выходила, разве что в магазин.

Внезапно из глубин памяти всплыл урок, посвященный внешности, которая может передаваться через несколько поколений. Это называлось генетикой – Айбала выучила мудреное слово, записав его в тетрадку. Пожилая русская учительница увлеченно рассказывала о прихотях природы, когда у африканцев, например, рождаются белокожие дети, а у темноволосых – рыжие.

Но как объяснить это Фазилат, которая с трудом окончила пять классов, а главное – ее мужу? Да Агабек и слушать не станет. Выгонит Фазилат из дому вместе с девочкой, а сыновей себе оставит.

Пока Айбала размышляла, вернулась Сабира с чистыми простынями и крапивным отваром. Фазилат заставили выпить полкувшина, а пока она пила, дую на горячее, Сабира перестилала простыни. Потом она обмыла невестку от крови и помогла ей надеть чистую рубаху и шаровары, в которые затолкала побольше тряпок. Фазилат облегченно вытянулась на чистых простынях и снова вспомнила про ребенка.

– Дай мне ее, Айбала. Дай скорее.

Айбала молча положила девочку ей на грудь. Увидев светлые волосы и васильковые глаза, женщины застыли в недоумении. Первой опомнилась Сабира. Но она сказала совсем не то, чего боялась Айбала. Хлопнув себя по ляжкам, она рассмеялась:

– Вай, наконец и у нас такая!

Шуше и Фазилат удивленно уставились на нее.

– Да ведь в роду Мяршоевых один раз в пятьдесят лет такие дети рождаются. Ты разве не помнишь, Шуше? Таибат, свекровь моя покойная, рассказывала, что после Айдамира родила мальчика голубоглазого и светловолосого, только он совсем маленьким помер. А у свекра, отца Айдамира, сестра была такая же. Говорят, у них это к древнему роду восходит, уже много столетий. И вот теперь в нашей семье такая красавица! Слышишь, Фазилат? От женихов отбоя не будет, придется ей никаб купить, чтобы лицо и волосы прятать.

Успокоенная и довольная Фазилат счастливо рассмеялась. Спустив с плеча рубаху, привычным движением пристроила дочку к налившейся молоком груди и сунула в крошечный ротик набухший сосок. Девочка вяло зачмокала, прикрыв удивительные васильковые глаза.

– Назовите ее Сарыкиз¹³, – предложила Шуше.

– Красивое имя, – Фазилат улыбнулась. – Спасибо, Шуше Наврузовна.

– Спасибо! – передразнила Шуше, посуровев лицом. – Как ты вела себя сегодня, позор какой! Ладно, корми ребенка, потом тебе все скажу. Ты каши ей наварила, Сабира?

– Так сразу, как прихватило ее, вот такой котелок на плиту поставила! – Сабира показала руками. – Отличная каша получилась, из кукурузной муки, с медом и маслом.

– Я бы тоже от мисочки-то не отказалась, – задумчиво проговорила Шуше.

---

¹³ Сарыкиз (турк.) – светловолосая девочка, блондинка.

– Идем скорей на кухню! – засуетилась Сабира. – И ты иди, Айбала. Каши на всех хватит.
– Спасибо, я не голодная. Лучше Фазилат принесу поесть.

– Да что ты, как можно! – Сабира замахала руками. – Я сама принесу, а ты отдыхай, не хочешь есть – так чаю попей, я вкусный заварила, с чабрецом и мятой.

Айбала посмотрела на Фазилат, прижимавшую к себе дочку. Она помнила силу, которая отбросила ее от нар в тот момент, когда она пыталась облегчить роженице боль. Такое случилось впервые и совсем ей не понравилось.

– Пойдем, Айбала, – позвала от двери Шуше. – Пусть они отдыхают.

Айбала вышла из родильной комнаты и еще немного постояла у двери. Когда Фазилат тихонько запела, баюкая девочку, она пошла на кухню.

Сабира размешивала в кастрюле густую кашу, вкусно пахнущую сливочным маслом и медом; это была еда Фазилат на ближайшие три дня. Еще ей полагался наваристый куриный бульон, чтобы восстановились силы и пришло молоко.

Шуше надела пальто и вышла в сени, держа в руках какой-то сверток.

– Куда это она? – спросила Айбала.

– Послед пошла зарывать. Я ей место за домом показала, где не ходит никто.

– Разве это повитуха должна делать?

Сабира рассмеялась:

– Вай, Айбала, ты вроде давно с матерью ходишь, а важных вещей не знаешь. Кто ж еще должен кроме повитухи? Иди, я чаю тебе налила.

Айбала села за стол и приняла от Сабиры щербатый стакан, почти нестерпимо нагретый от горячего чая. Сам чай был крепкий, сладкий, пахучий. Она подождала, пока немножко остынет, и принялась пить осторожными глотками.

Несмотря на глубокую ночь (ходики на стене показывали половину четвертого), спать ей не хотелось. Айбала ощущала внутри странную пустоту, хотя обычно после благополучных родов испытывала радостный подъем, словно это она сама произвела на свет дитя. Но сегодня Айбала впервые соприкоснулась с чем-то темным, страшным, ей неподвластным. Фазилат находилась на волосок от смерти, и, если бы не опыт и хладнокровие Шуше, сейчас она была бы уже на пути в рай¹⁴.

Айбала не верила, что ребенок в утробе Фазилат мог неправильно перевернуться только из-за того, что та выходила из дому после наступления темноты, забыв положить в карман кусок хлеба или сахара, чтобы уберечься от злых сил. Однако это древнее поверье прочно укоренилось в умах женщин – наряду со множеством других, запрещающих беременной совершать те или иные действия, чтобы не навредить себе или ребенку.

Айбала не верила, что Джамия Сондохоева два года назад родила трехпалого сына только потому, что увидела в амбулатории безрукого мужчину, но не отвернулась поспешно и не прочитала очищающую молитву. Она не понимала, зачем зарывать послед вместо того, чтобы просто его выбросить, или выплескивать воду, в которой обмывали новорожденного, туда, где ни разу не ступала нога человека. Во всем этом не было практического смысла. Но если бы Айбала сказала такое матери, та пришла бы в ужас, обругала бы ее или, того хуже, отвесила бы оплеуху.

Айбала знала, что однажды настанет момент, когда матери не случится рядом, и ей придется принимать роды самостоятельно. Она не хотела, чтобы ее неопытность стала причиной чьей-то смерти. Дело было даже не в том, что повитуху, допустившую гибель матери или плода,

---

¹⁴ Вынашивание женщиной ребенка в исламе приравнивается к джихаду (т. е. усердию на пути Всевышнего). Об этом прямо говорит хадис из сборника имама Абу Дауда (202–275/817–888 гг.): «Мусульманка, которая умрет беременной или во время родов, станет шахидом», иными словами, умрет смертью мученика и попадет в рай.

больше не звали на роды, а в том, что Айбала не хотела соприкоснуться со смертью. Она чувствовала в себе совсем иное предназначение.

Если бы Фазилат умерла, Айбала наотрез отказалась бы становиться повитухой, даже если ей пришлось бы, за неимением лучшей участи, стать женой Анвара-башмачника.

Но Фазилат выжила, и Айбала ничего не сказала вернувшейся со двора Шуше. Она допила чай, подождала, пока мать поест каши и получит от Сабиры плату, и отправилась с нею обратный путь сквозь снежную пургу, которая за эти несколько часов ничуть не уменьшилась.

Когда Шуше и Айбала вернулись домой, они не сразу отправились спать, а вначале совершили омовение и намаз, вознеся благодарственную молитву Всевышнему, как делали всегда после благополучного исхода родов.

Но даже после молитвы на душе у Айбалы осталась тяжесть, словно через страдания Фазилат она заглянула в собственное будущее и ужаснулась тому, что увидела.

Когда в сени, отряхиваясь от снега и притоптывая замерзшими ногами, вошла пожилая Зури Абдулхалимова, Айбала была дома одна. Шуше отправилась проведать Джамилю Джабарову, которая должна была родить через неделю или две. Джавад ушел помочь соседу починить крышу хлева, обвалившуюся под весом снега. Меседу обучала Корану девочек-дошкольниц, которых она собирала дважды в неделю в школьном классе, отведенном для подготовительных занятий.

Айбала пекла чуду с соленой черемшой и не сразу увидела Зури, а только когда та поздоровалась с ней от входной двери. Вздрогнув от неожиданности, а еще больше от удивления, Айбала поздоровалась в ответ и пригласила гостью располагаться.

– А ты, я смотрю, неплохо по хозяйству управляешься, – одобрительно произнесла Зури, сняв теплое пальто с меховым воротником и усевшись на продавленный диван, покрытый ковром. – Шуше и невесток не надо с такой дочерью.

– Хотите чуду, Зури Замировна? Только из печи, еще горячие.

– Не откажусь. И чаю, пожалуй, налей. Что, Шуше дома нет?

– Ушла к Джамиле Джабаровой.

– Рожает Джамиля уже?

– Нет еще. Мама просто посмотрит ее. Скоро вернется.

– Я подожду. Разговор есть.

Айбала опять удивилась, но промолчала. Положив на тарелку два чуду и налив в стакан чаю, она подала гостю угощение и вернулась к печи, где готовилась последняя партия лепешек.

Что понадобилось Зури Абдулхалимовой от Шуше? Они не то что не были подругами, а даже и не общались совсем, несмотря на то, что когда-то учились в одном классе.

На то имелось несколько причин.

Во-первых, Зури была бездетная, поэтому Шуше ни разу не ходила к ней как повитуха. Во-вторых, умерший в позапрошлый Рамадан¹⁵ муж Зури, самый обеспеченный человек в ауле, оставил ей большой дом и много денег, поэтому одевалась Зури с иголки и поведение имела соответствующее. Она смотрела свысока на менее обеспеченных односельчанок, хотя, если ее звали на свадьбу даже в бедные семьи, никогда не отказывалась и всегда приходила с хорошим подарком. Она уважала традиции и никогда не уклонялась от саадака¹⁶.

Во многом это объяснялось тем, что Зури приходилась родной сестрой местному мулле, Садулле-хазрату¹⁷. Именно поэтому, как утверждали злые языки, она не продала дом и не пере-

---

¹⁵ *Рамадан* (или *Рамазан*) – месяц обязательного для всех мусульман ежегодного поста, один из пяти столпов ислама.

¹⁶ *Садак* – в исламе добровольная милостыня нуждающимся, а также любое благое дело ради довольства Аллаха.

¹⁷ *Хазрат* – исламский религиозный статус и уважительное обращение к человеку с таким статусом.

ехала в Цуриб¹⁸, ближайший к аулу районный центр, где ей, с таким поведением и достатком, было бы самое место.

Прихлебывая из блюдца горячий чай, Зури наблюдала за Айбалой. Та чувствовала спиной ее взгляд и от этого становилась все более неловкой, задевая руками то одно, то другое и молясь про себя, чтобы поскорее вернулась мать. Наконец Айбала сдалась и присела на корточки у печи, делая вид, будто наблюдает за чуду, которые уже пора было вытаскивать. Но она медлила, боялась их уронить, ей не хотелось давать гостье повод для сплетен, до которых та была весьма охоча.

– А где Меседу? – неожиданно спросила Зури.

– Девочек Корану в школе обучает.

– Дай мне еще чуду. С черемшой – мои любимые. Нежная какая черемша, небось совсем раннюю собирали?

Айбала поставила на столик у дивана блюдо, прикрытое чистой тряпицей. Она терпеливо ждала, пока гостья расскажет о цели своего визита. Очевидно, что она пришла к Шуше, но зачем тогда спрашивать про Меседу?

В этот момент вошла Шуше. Она начала что-то говорить Айбале, но увидела гостью и замолчала. Однако, похоже, ничуть не удивилась приходу Зури.

– Сходи, дочка, скотину накорми.

Айбала молча оделась и спустилась в хлев, где Галаевы держали корову, коз, баранов, кур и старого упрямого ишака, который, несмотря на слепоту и ввалившиеся бока, никак не собирался умирать. Раскладывая по кормушкам сено, она ощущала растущее беспокойство. Наверху велся разговор, явно не предназначенный для ее ушей, поэтому мать и отправила ее сюда.

Поднявшись из хлева по шаткой приставной лесенке, Айбала не пошла в дом, а осталась во дворе, поутру расчищенном отцом от снега.

Снегопад не прекращался, хотя мороз отступил, и ветер, почти три недели дувший с севера, наконец-то поменял направление. Стоял конец января, и Айбала истосковалась по солнцу и молодой зелени, которую мать щедро добавляла во все блюда. Весной пробуждалось все живое, краски становились ярче, от свежевскопанной земли исходил особый дух, а горный воздух был таким свежим и прозрачным, что его хотелось пить вместо воды. Но весна для Айбалы означала еще и неприятное. Она родилась в апреле, и после того, как ей минуло восемнадцать, каждая новая весна приближала ее к неминуемой старости – старости одинокой, без мужа, детей и внуков.

Скрипнула калитка. Вошла Меседу в черном никабе, открывавшем только глаза и кусочек лба. Поверх пальто она надевала просторную черную накидку, скрывающую изгибы стройного тела.

– Ты что тут мерзнешь, Айбала? – удивилась она. – Почему в дом не идешь?

– К маме Зури Замировна пришла.

– И о чем они говорят? – спросила Меседу странно изменившимся голосом.

– Не знаю. Я сразу ушла.

Меседу направилась к дому, но на полпути остановилась и нерешительно сказала:

– Мне нельзя сейчас туда... Иди, скажи маме – я вернулась.

– Ты думаешь, Зури Замировна из-за тебя пришла? Она спрашивала, дома ли ты...

– Иди! – нетерпеливо перебила Меседу. – Я тут подожду.

Айбала не понимала, что происходит, и поведение Меседу, обычно сдержанной и почти-тельной с Айбалой как со старшей сестрой, добавляло еще больше неясности. Она намеренно

---

¹⁸ Цуриб – районный центр Чародинского района Дагестана, расположен в 182 км к юго-западу от Махачкалы и 141 км к юго-западу от Буйнакска.

громко протопала по крыльцу, хлопнула входной дверью, помедлила немного перед тем, как войти в дом.

Женщины пили чай с бахухом¹⁹. Это лакомство Шуше держала в жестяной коробке на верхней полке буфета и доставала только по особым поводам. Бахух остался с того раза, когда Шуше пекла его на рождение младшего сына Зайнаб в ноябре и угощала всех, кто приходил поздравить ее с очередным внуком.

В душе Айбалы шевельнулся страх. Она попыталась связать неожиданный визит Зури, странное поведение матери и бахух на столе. Внезапная догадка пронзила ее словно молния.

Зури могла прийти к Шуше только по одной причине: чтобы засватать одну из ее дочерей.

Значит, вот почему она спрашивала про Меседу... Ну конечно, разве кто-то мог посвататься к Айбале. Но кто жених? Зури была бездетна и в близких родственниках имела только муллу, но он был совсем старик, а его взрослые сыновья и внуки жили не то в Буйнакске, не то в Махачкале. Может, кто из соседей обратился к ней с просьбой выступить в роли свахи? Такое вполне могло быть, если мать парня умерла, а теток или сестер у него не было.

Айбала посмотрела на довольное лицо Зури, выражение которого могло означать только одно: дело слажено.

– Покормила скотину? – необычно ласково обратилась к Айбале мать.

– Да. – Айбала помедлила. – Меседу вернулась. Спрашивает, можно ей войти?

Зури тут же поднялась и стала надевать пальто.

– Спасибо за угощение, Шуше. Теперь к брату пойду с радостной вестью. Храни Аллах тебя и всю твою семью. Пусть наше дело сладится.

– *Иншааллах*²⁰!

Айбала, не дожидаясь ухода гостя, быстро прошла в спальню и в оцепенении остановилась посреди комнаты, не веря тому, что услышала.

Бедная Меседу! Неужели ее отдадут за Садуллу-хазрата?

Мулла был ровесником отца, его возраст приближался к семидесяти. Он похоронил двух жен, а оставшиеся две жили с ним в одном доме и воспитывали тех детей, которые еще не достигли совершеннолетия и не создали свои семьи.

И вот теперь мулла решил взять Меседу, которой еще не исполнилось шестнадцати! Она войдет в семью третьей женой – самой младшей не только по возрасту, но и по статусу, а потому самой бесправной. Ей достанутся наиболее тяжелые домашние обязанности, и она должна будет ублажать старика до тех пор, пока Аллах не призовет его к себе.

Нет, отец этого не допустит! Да и мать не принудит Меседу к такому браку. Она согласилась с Зури только на словах, чтобы не обижать ту прямым отказом. Она даже не скажет Меседу об истинной причине визита Зури, чтобы не расстраивать и не оскорблять ее этим предложением.

Почему мулла выбрал именно Меседу? Неужели потому, что часто видит ее в мечети и знает о ее богобоязненности? Он в таком возрасте, когда мужчина уже не обращает внимания на женскую красоту. Да у муллы и возможности-то не было рассмотреть Меседу, она ведь ходит покрытая.

Дверь открылась, прервав тягостные размышления Айбалы. Вошла Меседу, на ходу снимая никаб. Ее щеки покраснелись, глаза блестели, на губах блуждала улыбка. Айбала уже не помнила, когда сестра в последний раз улыбалась. Непривычное оживление еще больше

---

¹⁹ *Бахух* – мучная халва, которую в Дагестане готовят по особым поводам: свадьба, сватовство, обручение, рождение ребенка.

²⁰ *Иншааллах* – дословно: «если на то есть воля Божья», ритуальное восклицание как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха. Произносится после высказывания верующего о его планах или о том, что должно произойти в будущем. Выражение восходит к Корану. В одной из сур сказано: «И никогда не говори: „Я сделаю это завтра“, без того, чтобы сказать: „Если только этого не пожелает Аллах!“»

преобразило ее красивое, с точеными чертами лицо. Меседу выглядела очень юной, полной жизни, счастливой.

Мать не сказала ей, подумала Айбала. Нельзя, чтобы Меседу узнала. Надо быстро придумать причину, по которой Зури к ним приходила.

Айбала решила, не откладывая, поговорить с матерью и уже взялась за ручку двери, когда Меседу сказала:

– Я выхожу замуж за Садуллу-хазрата.

Айбала медленно повернулась к ней. Меседу смотрела на нее сияющими глазами и улыбалась.

– Ты слышала, Айбала? По воле Аллаха, я стану женой муллы.

– Я слышала. Не переживай, мы что-нибудь придумаем. Даже если мама дала Зури свое согласие, отец не допустит этого брака. Он слишком любит тебя, чтобы...

– О чем ты говоришь? – удивленно перебила Меседу. – Я *хочу* стать женой Садуллы-хазрата. Я ждала этого целый год. Знала, что он хочет меня засватать. Его останавливал только мой возраст. Сама я готова была выйти за него еще прошлой весной, но Садулла-хазрат...

– Подожди, Меседу, остановись. Я не понимаю. Ты *хочешь* за него выйти?

– Ну конечно! – Девушка рассмеялась. – Я об этом тебе и говорю.

Айбала не могла поверить ушам. Она смотрела на сестру и понимала, что происходит что-то очень плохое. Надо остановить это как можно скорее. Нельзя позволить Меседу совершить ошибку, о которой она будет жалеть всю жизнь.

– Но он же... он же старик! – воскликнула Айбала.

– Неправда! – Меседу вспыхнула. – Ему всего шестьдесят семь.

– *Всего?!* Наш отец и то младше.

– Только на один год. – Меседу упрямо вздернула подбородок, ее глаза холодно блеснули. – Значит, ты не одобряешь этот брак?

Айбала замешкалась с ответом. Она понимала, что речь идет о духовном лице, оскорбить которого значило оскорбить Всевышнего. Она пыталась подобрать правильные слова, чтобы, с одной стороны, вразумить Меседу и открыть ей глаза на заблуждение, а с другой – не допустить несправедливых высказываний в адрес столь уважаемого человека.

– Ты войдешь в дом Садуллы-хазрата третьей женой, – сказала она. – Самой младшей, самой бесправной. На такое соглашаются или вдовы, или те, у кого нет шансов на более удачный брак. Такие, как Малика Мяршоева, или... – Айбала покраснела, но продолжила: – Или такие, как я. Но ты красавица, Меседу! И такая молодая. Зачем торопиться? Тебя ведь не выдают насильно. Все ждут, когда тебе исполнится шестнадцать, поэтому и не присылают пока сватов, но не пройдет и месяца, как многие парни попросят своих матерей...

– Хватит, Айбала. Не хочу слушать о других парнях. Я не передумаю. – Меседу помолчала. – Вижу, ты не понимаешь меня. Хорошо, объясню. Мой муж должен быть богобоязненным и праведным человеком, только тогда я смогу слушаться его во всем. Он не должен чинить преград на моем религиозном пути или требовать от меня того, что не угодно Всевышнему. В нашем ауле есть только один такой человек: Садулла-хазрат. Я знала, что он попросит моей руки, и предупредила маму. Я сказала ей, что выйду замуж только за него или не выйду вовсе.

– И она не попыталась отговорить тебя? И отец не попытался?

– Отец еще не знает. Мама скажет ему сегодня. Но он не станет препятствовать, если хочет, чтобы я была счастлива. Все решено, Айбала. Свадьба через месяц. Ты не поздравить меня?

– Я не могу, Меседу.

Меседу гневно взглянула на нее и молча вышла из комнаты.

Айбала присела на топчан и потеряла виски: от расстройства у нее разболелась голова. Она жалела, что обидела сестру. Прежде они никогда не ссорились. Но она не хотела обманывать Меседу, не хотела выражать радость, которой не чувствовала.

Меседу не сможет стать счастливой с Садуллой-хазратом, и не только из-за полувековой разницы в возрасте. Он был мрачным, холодным, замкнутым человеком. Жены Садуллы-хазрата страдали из-за его тяжелого характера и чрезмерной, даже по меркам консервативной жизни аула, плодовитости: каждая из четырех жен родила ему не меньше десятка детей. Старшие уже давно имели своих детей, а младшие только учились ходить.

Дом муллы, стоявший рядом с мечетью, напоминал крепость за высокой каменной оградой. Женщины не имели права выходить за ворота без сопровождения мужа, а поскольку большую часть дня мулла проводил в мечети, его жены оставались вынужденными затворницами, хотя все их односельчанки были свободны в своих перемещениях. И Меседу добровольно соглашалась на такую жизнь. Ее не пугали затворничество, беспрекословное послушание, тяжелая домашняя работа и частые роды. Она видела в этом замужестве свое истинное предназначение.

Услышав голос отца, Айбала встала и пошла на кухню.

Он сидел за столом в ожидании обеда, а мать перекладывала из кастрюли в миску горячий хинкал. Она вела себя так, будто ничего не случилось.

Айбала почувствовала, как внутри нее поднимается незнакомая, пугающая волна гнева, словно за старика засватали ее, а не Меседу. Она справилась с собой и спросила своим обычным тихим голосом:

– Отец, ты уже знаешь?

Джавад посмотрел на Айбалу удивленно, а Шуше – сердито. Она хотела сама сообщить новость мужу, выбрав для этого более подходящее время. Обычно после обеда Джавад пребывал в благодушном настроении, а хинкал он любил больше остальных блюд, поэтому Шуше специально расстаралась, даже сделала чесночный соус, чтобы Джаваду было во что обмакивать хинкал.

– Что случилось, Айбала? – спросил Джавад, почувствовав напряжение между женой и дочерью. – Что произошло, пока я помогал Максуду?

– Я не успела тебе рассказать, вот прямо сейчас хотела, – вмешалась Шуше. – Приходила Зури сватать Меседу.

– Сватать Меседу? – Джавад отложил кусок лепешки, который собирался обмакнуть в соус. – За кого?

– За Садуллу-хазрата, да продлит Аллах его годы.

– Надеюсь, ты ей отказала?

Шуше отвернулась, чтобы закрыть кастрюлю крышкой, а сама обдумывала, что ответить мужу. Ох и устроит же она Айбале за ее самовольное вмешательство!..

– Ай, как я могла отказать? – Шуше пристроила крышку на место и всплеснула руками. – Садулла-хазрат святой человек, выйти за него – большая честь. Что до возраста, так у него до сих пор рождаются дети. Мулла хорошо заботится о женах, у него большой дом и достаток, по Шариату он имеет право взять себе еще одну жену. Меседу сама захотела, она так просила...

– Ты шутишь, женщина? – Джавад нахмурился, что не предвещало ничего хорошего.

– Мама говорит правду, – вмешалась Айбала. – Ты ведь не отдашь за него Меседу?

– Меседу сама захотела! – повторила Шуше, бросив на дочь очередной сердитый взгляд. – Разве я могла ей отказать после того, как наши старшие дочери сами решили, за кого им выходить?

– Где она? – спросил Джавад, отодвинув тарелку с дымящимся хинкалом, которую угожливо поставила перед ним жена.

Это был по-настоящему тревожный знак: Джавад никогда не отказывался от обеда, тем более проработав несколько часов на холоде.

– Снимает белье на веранде, – неохотно ответила Шуше.

– Позови ее. Сейчас позови, слышишь, да?

– Я за ней схожу, – сказала Айбала.

Внутренняя лестница – темная, крутая, со скрипучими деревянными ступеньками – вела на вытянутую вдоль всего дома, застекленную и утепленную веранду, выходившую окнами на ущелье. Из окон открывался панорамный вид на окрестные горы. Через люк в потолке можно было попасть на плоскую крышу, откуда вид был еще более захватывающим.

На веранде в холодное время года собирали за длинными столами гостей по семейным праздникам. Здесь всегда было много естественного света, поэтому Айбала и ее сестры, когда учились в школе, делали домашние задания за одним из столов у окна.

На веревках, растянутых под потолком, сушили белье, которое приносили в плетеных корзинах из прачечной, примыкавшей к кухне. Айбала и Меседу стирали по очереди. Стирка постельного белья считалась самой тяжелой домашней работой. Сначала надо было натаскать воды из родника, вскипятить полный бак, замочить белье в большом корыте, отстирать один раз, снова замочить, отстирать второй раз, прополоскать в холодной воде, отжать и развесить сушиться, а потом снять с веревок и выгладить чугуном утюгом, нагретым на плите.

Меседу сердито посмотрела на Айбалу через плечо и отвернулась. Сняла последнюю простыню, аккуратно свернула ее и положила в бельевую корзину.

– Если ты пришла помочь, я уже управилась, – сухо сказала она.

– Отец тебя зовет.

Спина Меседу напряглась.

– Мама ему сказала?

– Нет. Я.

– Ты? – Меседу развернулась и удивленно взглянула на Айбалу. – Зачем?

– Отец в любом случае бы узнал. Какая разница, кто скажет?

– Большая! Мама нашла бы правильные слова и смогла бы его убедить. Зачем ты вмешалась?

– Затем, что я твоя старшая сестра. И если ты не слушаешь меня, то отца обязана послушать.

Когда Айбала вслед за Меседу спустилась в кухню, родителей там уже не было. Их голоса раздавались из гостевой комнаты. На столе стояла миска с остывшим хинкалом, к которому отец так и не притронулся. Меседу прошла мимо Айбалы словно чужая. Помедлила, вошла в гостевую комнату и плотно закрыла за собой дверь.

Айбала не пошла за ней. Она привыкла поддерживать сестру, но сейчас не могла. Их разделило непонимание – впервые с того дня, как пятилетняя Айбала, встав на цыпочки, заглянула в люльку, где лежала новорожденная Меседу. И сейчас Айбала задала себе вопрос, не было ли ее сегодняшнее поведение, которое Меседу наверняка сочла предательством, проявлением невольной зависти: младшую сестру вопреки традиции выдают вперед старшей, а к ней, Айбале, так никто и не посватался. Не важно, что жених Меседу Айбале совсем не нравился – ее мог возмутить сам факт подобной несправедливости. Она всегда была честна с собой, даже если порой это давалось нелегко, и сейчас так же честно ответила: нет, она не завидует сестре. Она хочет уберечь ее от опрометчивого шага.

Айбала надеялась, что вместо нее это сделает отец. Он всегда принимал правильные решения. Мама никогда ему не перечила, зная, что это бесполезно; она могла лишь попробовать его переубедить, но умела вовремя отступить, зная крутой нрав мужа. Хотя за все годы брака Джавад ни разу не поднял на Шуше руку, она предпочитала не испытывать судьбу и сразу шла на попятный, едва брови Джавада сходились на переносице.

Меседу не выходила из гостевой комнаты очень долго. Айбала успела перемыть посуду, замочить нут для бозбаша²¹, вытряхнуть половики и подмести полы. Попыталась поесть остывшего хинкала, но кусок не шел ей в горло; она напряженно вслушивалась, но кроме тихих голосов, ничего не могла разобрать.

Наконец, когда за окнами уже начало темнеть, дверь открылась и Меседу, не глядя на Айбалу, быстро прошла на женскую половину.

Айбала испытала одновременно жалость к сестре и облегчение, что беду удалось предотвратить. Следом вышел отец. Его лицо было уставшим и странно задумчивым. Шуше не показывалась.

Айбала решила, что мама слишком огорчена расстроившейся помолвкой; ей предстояло сообщить сестре Садуллы-хазрата, что их договоренность отменяется.

Отмена помолвки была крайне неприятным делом. Мало того, что семья незадачливого жениха затаивала обиду на семью невесты – девушку могли больше никогда не засватать, зная, что ее родственники могут ни с того ни с сего передумать.

Лучше уж так, подумала Айбала, чем ломать Меседу судьбу.

– Я согласился на брак Меседу с Садуллой-хазратом, – сказал Джавад.

Айбала закрыла глаза. Надежда оборвалась и камнем упала вниз, как обрывалась и падала уже множество раз. Она не понимала, как отец мог поддаться на женские уговоры, как мог им уступить? Даже если матери удалось найти убедительные слова, здравый смысл и твердый характер Джавада были сильнее любых слов. Он должен был настоять на своем, почему же не настоял?..

Айбала знала, что не задаст отцу ни одного из этих вопросов. Она молча надела накидку и чувяки, собираясь вынести помои. Физическая работа лучше всего помогала справляться с тягостными мыслями.

– Постой.

Айбала повернулась к отцу. Он смотрел на нее растерянно, словно не меньше ее удивлялся своему решению.

Айбала сняла накидку и вернулась к столу. Села на скамью, сложив руки на коленях и опустив глаза, чтобы отец не мог видеть, насколько она расстроена. Но Джавад умел читать не только по лицу Айбалы, но и по позе, которую она принимала, когда хотела скрыть свои чувства, поэтому сказал:

– Я поговорил с Меседу и убедился в серьезности ее намерения. Я спрашивал ее снова и снова, и каждый раз она отвечала, что хочет этого брака. Как после такого я мог препятствовать?

– Так же, как отец Медины помешал ее свадьбе с Фархадом, – тихо ответила Айбала. – Ее засватали, пока отец был в отъезде, но когда он вернулся...

– Фархад – нечестивец! – сердито воскликнул Джавад. – Он жил с женщиной, не вступив с ней в брак, когда учился в Цурибе. Хуршид правильно сделал, что не отдал за него Медину. Как ты можешь сравнивать? Садулла-хазрат – праведный человек. Я не выдал бы за него дочь против ее воли, но не понимаю, почему должен отказаться от высокой чести, которую Садулла-хазрат оказывает нашей семье, если Меседу так хочет.

– Он не только праведный человек, но и самый влиятельный в ауле. Ты поэтому...

– Не вмешивайся не в свое дело! Будешь говорить, когда тебя саму засватают. А сейчас иди и помоги сестре готовиться к свадьбе. Она сказала, что еще не все приданое успела приготовить. Если у тебя есть время на споры с отцом, то и на доброе дело время найдется.

Сказав так, Джавад вышел с кухни, посасывая кончик уса, как делал всегда, когда злился. Айбала вынесла помои, а когда вернулась, ее встретила Шуше. Она как следует отругала дочь за

---

²¹ *Бозбаш* – суп из баранины, нута и овощей.

самовольство, непочтительность и зависть к сестре и повторила то, что сказал Джавад: Айбала должна помочь Меседу с приданным, негоже той входить в дом Садуллы-хазрата с одним сундуком.

Когда после вечерней молитвы Айбала легла на топчан, Меседу повернулась к ней спиной, придвинулась к самой стене и ничего не ответила на пожелание спокойной ночи.

Айбала долго не могла уснуть. Она перебирала в уме несправедливые слова матери, вспоминала рассерженное лицо отца и его резкий тон, но больше всего ее расстраивала размолвка с Меседу. Прежде они никогда не ссорились и, несмотря на разницу в возрасте, были близки, еще больше сблизившись после того, как их сестры покинули дом.

В конце концов Айбала решила, что, если ничего изменить нельзя, она сделает то, что велели ей родители. Меседу не очень умела шить, а у Айбалы и швы выходили аккуратными, и раскраивала она правильно, экономя ткань. Она сошьет сестре несколько нарядных платьев, чтобы та не чувствовала себя ущербной рядом со старшими женами муллы.

С этой мыслью Айбала уснула.

Шуше проснулась больной. Еще не открыв глаза, еще барахтаясь в сонном забытье, она поняла, что вчерашний визит к одинокой вдовой Бадине, которая три дня назад слегла с кашлем и высокой температурой и которой соседки по очереди носили еду, не прошел даром.

У Шуше ломило все тело, как будто она вернулась в детство и отец снова избил ее пастушьим посохом за какую-то провинность. Губы обметало, голова болела, в груди kloкотало и булькало. Шуше приложила ладонь ко лбу и тут же отдернула – такой он был горячий.

Превозмогая боль в суставах, она с трудом поднялась с лежанки, боясь потревожить спящего мужа, и в который раз подумала, что пора ей перебраться на женскую половину, в бывшую спальню старших дочерей. Но Джавад хотел, чтобы она спала вместе с ним в проходной комнате (мужской половины в доме не было, поскольку Джавад был единственным мужчиной). Шуше понимала желание мужа. За ней часто посылали ночью: дети не выбирали, когда им появляться на свет. Если бы она спала на женской половине, то открывать дверь и будить жену приходилось бы Джаваду, а он не любил, когда нарушали его сон.

Шуше налила в кружку воды и жадно выпила. Грудь распирало изнутри, и она попыталась прокашляться, но выдавила из себя лишь птичий клекот, от которого заломило под ребрами. Ее знобило, хотя на ней была рубаха из плотного хлопка, а дом не успел остыть после вечернего протапливания. Шуше закуталась в шаль, но теплее ей не стало.

Ходики показывали половину седьмого. Через полчаса встанут дочери: Айбала – чтобы подоить корову и накормить скотину, Меседу – чтобы приготовить завтрак. Шуше улеглась обратно в постель, под бок к храпящему мужу, спутанно подумав о том, как хорошо иметь взрослых дочерей: не нужно беспокоиться о домашних делах. Меседу, правда, скоро их покинет, но хоть Айбала останется. В готовке от нее пользы ноль, только и умеет, что печь чуду, зато физической силы хоть отбавляй: и воды с родника натаскает, и белье перестирывает, и медную посуду речным песком отдраит так, что в нее можно смотреться как в зеркало. Хорошо, что Шуше настояла на своем и не позволила Джаваду отдать дочь за Анвара-башмачника, а когда в ноябре (или это был октябрь?..) Зульхижат Гухоева пришла сватать Айбалу за своего сына Бекбулата, в доме в тот момент была только одна Шуше, поэтому она быстренько спроводила Зульхижат и...

Не успев додумать эту мысль, Шуше провалилась в тяжелый сон.

Почти тут же в дверь заколотили. Подождали немного и заколотили снова.

– Эй! – Джавад потряс жену за плечо. – Ты оглохла, женщина?

Шуше не реагировала. Джавад, окончательно проснувшись, вскочил с лежанки, попутно наградив жену тычком в спину, босиком проскакал через сени и распахнул входную дверь.

Тагир Джабалов от удивления не сразу нашел что сказать. Он смотрел на Джавада, стоявшего перед ним в одной рубашке и кальсонах, и хлопал глазами, а потом, заикаясь, произнес:

– Салам Алейкум, Джавад Умарович. Шуше Наврузовна дома?

Было раннее зимнее утро, еще не рассвело, где могла быть Шуше в такое время, как не дома? Но Тагир, не ожидавший, что откроет не повитуха, а ее муж, спросил первое, что пришло в голову.

– Дома, – пробурчал Джавад, не ответив на приветствие. – Никак приспичило?

– Жена рожает, – сказал Тагир и зачем-то добавил, будто у него была не одна жена. – Джамиля.

– Жди тут.

Джавад вернулся в комнату, зажег лампу и, сердясь уже не на шутку, сдернул с жены одеяло, которым она укуталась по самую макушку. Шуше попыталась вернуть одеяло на место, схватив его за край и потянув на себя. Она никогда не позволяла себе такого с мужем. Джавад недоуменно крикнул и почувствовал зарождающийся в глубине души страх.

– Шуше, – позвал он более миролюбивым тоном. – Вставай уже, да?

Из женской половины вышла Айбала, шурясь на свет лампы.

– Что стало? – спросила она. – Вроде стучали?

– Да Джамиля Джабаровна там...

Джавад не мог пересилить себя и произнести слово, которое мужчине говорить не пристало, если только речь не шла о его собственной жене.

– Вай, уже! – ахнула Айбала. – Надо маму разбудить.

– Попробуй, – проворчал Джавад. – У меня не выходит.

Айбала легонько потрясла мать за плечо и, цокнув языком, испуганно сказала:

– У нее жар. Наверное, от Бадины заразилась. Надо отвар сделать.

– А Тагиру Джабарову что сказать? Он во дворе ждет.

– Как же мама пойдет? – Айбала растерянно взглянула на отца. – Больная совсем...

– Ну, это уж ваше дело. Я в гостевой комнате лягу, досплю еще час.

Джавад взял с лежанки подушку и ушел.

– Мама, Джамиля рожает, – сказала Айбала матери в ухо.

Шуше заворочалась, со стоном выпростала из-под одеяла голову и прохрипела:

– Принеси мою сумку, проверить надо, все ли на месте.

– Как пойдешь? Тебе лежать надо.

– Я не пойду. Ты пойдешь.

– Я? – растерянно повторила Айбала. – Но я не могу...

– Все ты можешь! Или зачем я тебя с собой столько раз брала?

Айбала молчала, чувствуя, как от страха цепенеют руки и ноги. Она понимала, что надо идти к Джабаровым. Времени мало, у Джамили это седьмой ребенок, поэтому все произойдет очень быстро, уже сейчас наверняка происходит. Может, ребенок уже показался, а рядом нет никого, кто сможет его принять, мать Тагира умерла, а все сестры замужем, ведь не самой же Джамиле перерезать пуповину, а еще послед надо проверить, чтобы вышел полностью, потом закопать возле дома, глупое поверье, но если так не сделать, Джамиля не сможет спокойно спать, а еще...

– Бери сумку, – вернул Айбалу в реальность хриплый голос матери. – И иди уже.

Айбала разбудила Меседу, попросила заварить для матери травяной сбор от жара, оделась, взяла повивальную сумку и уже хотела выйти в сени, когда Шуше неожиданно ласково сказала:

– Не бойся, дочка. Джамиля уже сколько раз рожала, я ее недавно смотрела, ребенок правильно лежит. С помощью Аллаха все станет хорошо.

– *Иншааллах*, – ответила Айбала и вышла.

Тагир Джабаров испытал очередное потрясение, когда увидел, как по ступенькам крыльца спускается одна Айбала. Он подождал в тщетной надежде, но больше из дома никто не вышел.

– А где Шуше Наврузовна?

– Заболела.

– Но как же ты... разве ты... – От растерянности Тагир позабыл слова.

– Я все сделаю. – Айбала спокойно взглянула на него сверху вниз (Тагир был отнюдь не маленьким, но рядом с ней почти все мужчины казались ниже своего роста). – Или пусть Джамия сама справляется? Если так, я обратно пошла. У меня дел много.

– Что ты, что ты! – Тагир распахнул перед Айбалой калитку и пошел вперед нее нетерпеливой, подпрыгивающей походкой, оборачиваясь на ходу и размахивая руками. – Жена говорит, очень все быстро, понимаешь? Я вот не понимаю, мне вообще туда нельзя, я только провозу тебя и сразу пойду к соседям.

– А дети?

– Спят. Как проснутся, Зарифа за ними присмотрит.

Зарифой звали старшую дочку Джабаровых. Ей уже исполнилось семь лет, но в школу она пока не ходила – присматривала за младшими.

Джамия рожала каждый год: как вышла замуж восемь лет назад, так и не останавливалась. Над Тагиром подшучивали, называли отцом-рекордсменом, а он ходил гордый: ему еще двадцати пяти лет не исполнилось, а уже четыре сына и две дочки, и новый ребенок на подходе.

Джамия и Тагир поженились, когда ей было пятнадцать, а ему – на год больше. Полюбили друг друга еще в школе, и, хотя Тагиру прочили невесту из района, он сумел настоять на своем и женился на любимой.

Мать Тагира умерла через год после свадьбы сына, отец вскоре взял себе молодую жену и переехал в село, воспитывал уже новых детей и с сыном виделся редко. Старшие сестры Тагира давно повыходили замуж (он был поздним ребенком, долгожданным мальчиком) и тоже нечасто навещались в родной аул. Мать Джамии не умерла, но лежала парализованная, поэтому помощи Джабаровы ни от кого не ждали – справлялись сами.

Айбале нравилась спокойная, приветливая, трудолюбивая Джамия. И теперь Айбала очень боялась, что не сумеет ей помочь, хотя и держала себя уверенно с Тагиром: он и без того был напуган тем, что жене придется обойтись без повитухи. Тагир знал, что Айбала умеет снимать боль и что Шуше Наврузовна обучает ее своему ремеслу, но все равно ей не доверял: она была незамужняя и молодая, поэтому в глазах мужчины ничего не стоила.

Айбала шагала быстро, едва поспевая за Тагиром, оскальзываясь на обледенелых камнях крутой тропинки. Она прижимала к боку сумку матери, в уме перебирая ее содержимое: остро заточенные ножницы, бутылочка с прокипяченным маслом, чистые тряпицы, бинт, пузырек с йодом, нашатырь. Ничем другим Шуше не пользовалась. Никаких таблеток она не признавала.

Внезапно Айбала остановилась, вспомнив, что не спросила у матери слова, которые надо говорить при зарывании послета. Тагир, перестав слышать шаги повитухиной дочери, обернулся и нетерпеливо махнул рукой: давай уже, догоняй! Айбала встрепенулась и ускорила шаг. Ладно, решила она, что-нибудь придумаю, до послета еще далеко.

Тагир в дом не пошел: подождал, пока Айбала войдет внутрь, и отправился к соседям.

На кухне стоял таз с теплой водой, горячая вода грелась в чане на плите. Айбала вымыла лицо и руки, произнесла дуа²² и пошла к Джамиле.

---

²² Дуа – мольба, обращение к Аллаху. Обычно мусульмане просят Аллаха о помощи, начиная любое дело. Есть много видов дуа: во время праздников, от сглаза и по особым случаям (выздоровление, удачный брак, разрешение от бремени).

Дом Джабаровых был очень маленький: кухня, хозяйственная пристройка и две комнаты, поэтому Джамиля рожала детей в спальне, на той же кровати, на которой их зачинала. При виде Айбалы она перестала стонать, приподнялась и растерянно спросила:

– А где Шуше Наврузовна?

– Болеет.

Джамиля даже забыла про схватки. Ее озадаченное лицо блестело от пота.

– Ты пришла, чтобы снять боль? – спросила она.

– Нет. – Айбала присела на край лежанки. – Я пришла, чтобы принять ребенка. Не волнуйся, – добавила она, увидев беспокойство в глазах Джамили. – Я знаю, как надо. Мама меня научила.

– Тогда хорошо. – Джамиля улыбнулась и тут же скривилась. – Вуй, как больно! Который раз рожаю, а все никак не привыкну.

– Давно началось? – спросила Айбала, положив ладони на выпяченный живот Джамили.

Она очень боялась, что плод перед самыми родами перевернулся неправильно, но говорила и смотрела уверенно, чтобы не передать роженице свой страх.

– Часа два назад, ребенок скоро выйдет. Он головкой вот сюда упирается, – Джамиля показала рукой. – Твоя мама велит тужиться, когда так стало.

– Тогда тужься, – согласилась Айбала.

Ей оставалось только смотреть, как Джамиля, побагровев от натуги, выгибается в попытке исторгнуть дитя, как бессильно падает на подушку, переживает схватку и выгибается снова.

– Не хочешь походить? – спросила Айбала.

Джамиля помотала головой, зажмурилась, напряглась, закричала и родила головку.

– Немного осталось, – подбодрила Айбала. – Давай не останавливайся.

Показались плечики. Айбала подставила ладони и ждала. На очередной потуге ребенок выскользнул ей в руки. Она едва не выронила его, обмерла от ужаса, но удержала. Положила на пеленку, вынула из сумки ножницы и перерезала пуповину так, как делала мать.

Джамиля терпеливо ждала, понимая, что Айбалу сейчас не надо торопить, но все-таки не выдержала и спросила:

– Кто? Мальчик?

Айбала подняла пищащего ребенка, протерла ему личико от слизи и показала Джамиле:

– Мальчик. Смотри какой красивый. И крепкий!

Джамиля счастливо улыбнулась и сказала:

– Помой его, да? А то он сильно грязный. Нельзя такого Тагиру показывать.

Айбала выкупала малыша в корыте с теплой водой, обращаясь с ним с великой осторожностью, словно он был сделан из стекла, запеленала и уложила в люльку. Едва она с этим управилась, Джамиля родила послед.

– Ты знаешь, что надо делать? – спросила она, наблюдая, как Айбала заворачивает послед в тряпку. – На заднем дворе место есть, под старым абрикосом, Шуше Наврузовна всегда туда ходит.

– Надо тебя обмыть и белье сменить. А потом я тебе каши наварю, чтобы молоко пришло.

– Да я сварила уже. Утром еще почувствовала, что скоро начнется. – Джамиля посмотрела на ходики, тикающие на стене. – Скоро дети встанут.

– Давай останусь, помогу с ними.

– Что ты! Зарифа все сделает. Она моя помощница.

– В школу ей надо.

– Знаю, да Тагир пока не пускает. Говорит – со следующего года пойдет.

– А ты и не споришь с ним, – мягко попеняла Айбала, собирая с постели грязные простыни.

– Да кто ж с мужем спорит? – удивилась Джамия. – Вот выйдешь замуж – узнаешь.
– Я не выйду.
– Выйдешь, – убежденно сказала Джамия. – Просто не пришел твой срок.
– Я старая уже. И некрасивая. Никто ко мне не посватается. – Айбала собрала ворох грязного белья и пошла к двери. – Чаю тебе принесу и каши.

Когда Джамия поела сама и покормила ребенка, Айбала собралась домой. Вспомнила про послед, вынесла сверток во двор, расковыряла под старым абрикосом талый снег и закопала просто так, без всяких слов. По пути заглянула к соседям Джабаровых, Батыровым, сказала скособоченной от рождения Барият Батыровой, выбивавшей во дворе ковер, чтоб передала Тагиру, что он может возвращаться.

Айбала шла по улице, переступая через ручейки талой воды, и радовалась тому, что с Джамией все хорошо. Вспоминала странное и волнительное ощущение, когда ребенок скользнул в ее ладони, и устало-счастливую улыбку Джамии. Она понимала, что ничем ей не помогла (Джамия, со своим опытом, сама отлично справилась), но это были первые роды, которые она приняла самостоятельно, а значит, ее теперь тоже можно считать повитухой. Их теперь так и станут звать в ауле: повитуха-старшая и повитуха-младшая. Видно, таково ее предназначение: не рожать своих детей, а принимать чужих. Так захотел Аллах, а кто она такая, чтобы сомневаться в Его мудрости? С этими мыслями Айбала вошла в калитку своего дома.

Шуше после отвара немного полегчало. Меседу помогла ей перебраться в гостевую комнату, где было не так жарко и не так беспокойно, как в проходной. Она постелила матери на диване, несмотря на негодующие протесты отца: диван для гостей, а болеть и на обычной лежанке можно.

Айбала хотела рассказать Шуше про Джамию, но Меседу ее не пустила, сказала: мать спит.

Меседу по-прежнему не разговаривала с Айбалой, даже когда они вместе шили ей приданое. Говорила только самое необходимое, в глаза не смотрела, отворачивалась. Айбала не обижалась – все понимала. Она не переставала удивляться и печалиться выбору младшей сестры, но теперь делала это молча, зная, что ни у кого из домашних не встретит поддержки.

Свадьба Меседу приближалась, до никаха²³ оставалось немногим больше недели. В доме Садуллы-хазрата шли последние приготовления. Во дворе возводили деревянные помосты для женских и мужских столов. Уже зарезали дюжину баранов, и в ворота один за другим въезжали грузовики с продуктами: гостей ожидалось больше трехсот человек, не только из близлежащих аулов, но и из всей долины. Айбала сшила себе и матери красивые платья с люреком. Шуше наказала старшей дочери привезти из сельского универсама два нарядных головных платка для себя и Айбалы, а отцу – новый пиджак. Зайнаб и Гезель должны были приехать с мужьями и детьми; Гезель была на позднем сроке беременности и, судя по всему, носила двойню.

На днях Меседу исполнилось шестнадцать, но в суматохе приготовлений это событие прошло незамеченным. Какая разница, сколько ей стало лет, если вскоре она покинет дом родителей и войдет в дом мужа?

Шуше очень некстати разболелась. Надсадно кашляя, она сокрушалась, что в кои-то веки не послушала мужа и отправилась навестить хворую Бадину. Вроде и сделала доброе дело, а вот оно как обернулось. Мать невесты не может не прийти на свадьбу дочери, поэтому Шуше даже не рассматривала такую вероятность. Она решила, что поболит день-другой, а потом встанет. Кроме того, ей было совестно перед мужем. Джавад пока держался – не попрекал, что она его ослушалась, но ведь не вечное у него терпение. Разве приятно ему слушать ее кашель? Да и гостевой диван, когда она на нем ворочается, новее не становится.

---

²³ *Никах* – в исламе брак, заключаемый между мужчиной и женщиной.

Тагир пришел после обеда – принес деньги, завернутые в тряпицу, сунул в руки Айбале, не слушая ее возражений, и ушел. Это был ее первый заработок, и она отнесла его матери. Шуше спрятала деньги под подушку, перевернулась на другой бок и провалилась в очередной не приносящий облегчения сон.

На следующий день Айбала решила навестить свою подругу Медину. Они дружили со школы и были не похожи друг на друга так, как только могут быть не похожи две ровесницы. Медина, единственная сестра четырех братьев, была смешливая, легкая в общении, задиристая и очень красивая: белокожая, зеленоглазая, с вьющимися волосами редкого медвяного оттенка. Хуршид Шикароев в дочери души не чаял и не спешил выдавать ее замуж. Однако лучше бы выдал, но разве ж он знал, какой неприятностью обернется его беспечность?

Четыре года назад Медина испытала первое в своей жизни горе, когда Хуршид, за полгода до того уехавший с сыновьями на заработки в Россию и вернувшийся раньше времени, узнал о ее тайном сговоре с Фархадом Ямадаевым, запятнавшим себя сожительством с беспутной женщиной, и впал в такое бешенство, что едва не убил любимую дочь.

Братья Медины отправились к незадачливому жениху с визитом, и дело наверняка кончилось бы плохо, если бы кто-то не предупредил Фархада, оказав ему большую услугу. Фархад исчез («Бежал, шайтан!» – презрительно сплюнул себе под ноги старший брат Медины Байсал), а Медину отец запер дома. Только заступничество матери уберегло девушку от брака с хромоногим вдовым Абдуллой, за которого Хуршид всерьез вознамерился отдать строптивую дочь. Жена валялась у него в ногах, умоляя не ломать Медине судьбу, целовала руки и омывала их слезами. Хуршид в конце концов смягчился, но сказал – как отрезал: если Медина не выйдет за Абдуллу, то вообще ни за кого не выйдет. Пусть выбирает, стать женой Абдуллы или прожить всю жизнь в родительском доме, прислуживая невесткам и нянча не собственных детей, а детей братьев.

Мать успокоила Медину, мол, отец со временем передумает и найдет ей достойного мужа. Но время шло, а Хуршид оставался непреклонен. Он не мог простить дочери ее безрассудный поступок, запятнавший честь семьи. Встречая на улице отца Фархада, Хуршид демонстративно отворачивался и непроизвольно сжимал кулаки, усмиряя тлевшую внутри ярость.

С тех пор Медина почти не покидала женской половины дома, в котором, кроме нее и родителей, жили двое ее холостых младших братьев и двое женатых старших, у каждого из которых было по трое детей. Она не растеряла своей красоты, но веселой больше не была. В ее глазах затаилось горе. Это была не тоска по Фархаду, которого она уже не помнила, а осознание своей незавидной участи. Еще год – и на нее никто не взглянет, даже если отец все же сменит гнев на милость. Вот потому, при абсолютной внешней несхожести, Айбала и Медина в какой-то момент стали очень похожи судьбами.

Во дворе Шикароевых Айбала едва не налетела на Бекбулата Гухоева, который шел к калитке. Она отскочила в сторону и машинально натянула на лицо край платка, хотя Бекбулат даже не взглянул на нее. Айбала озадаченно посмотрела ему вслед. Она не понимала, почему с некоторых пор Бекбулат с ней не здоровается, а завидев издали, переходит на другую сторону дороги. Она не решалась спросить его об этом, хотя раньше они иногда перекидывались словечком-другим, благо это не возбранилось.

После школы Бекбулат выучился в райцентре на портного и теперь обшивал всех мужчин аула. Брал за работу недорого, но шил добротно, его вещи можно было носить несколько лет. Внешность имел он неказистую: невысокий, коренастый, большеголовый и горбоносый. Он дружил с одним из братьев Медины, поэтому часто бывал у Шикароевых (разумеется, только на мужской половине).

Пройдя через двор, Айбала обогнула дом и вошла на женскую половину. Ее оглушила какофония детских голосов. За стеной надрывался младенец, в проходной комнате ревели два мальчика-погодка, а худенькая большеглазая девочка пыталась их успокоить.

– Где Медина? – спросила Айбала.

Девочка махнула в сторону кухни:

– Обед с мамой готовит.

Медина и Гульмира, жена Байсала, стояли у стола и в четыре руки лепили хинкал. Айбала невольно залюбовалась их слаженными движениями и аккуратными рядами хинкала, разложенного на припорошенной мукой столешнице. В большой кастрюле закипал бульон; вкусно пахло разваренным мясом, луком и специями.

Медина увидела ее, улыбнулась и сказала:

– Подожди, скоро закончу.

Гульмира почтительно поздоровалась с Айбалой, хотя была старше на десять лет. Шуше принимала всех ее детей, а Айбала приходила снять боль, когда она рожала младшего сына. Гульмира была снова беременна (это пока не было заметно под просторным платьем) и знала, что на следующие роды непременно позовет не только повитуху, но и ее дочь. Пусть это встанет дороже, но она так и сказала Байсалу: без Айбалы рожать не стану.

– Иди, Медина, – сказала Гульмира. – Я сама закончу.

Медина неуверенно взглянула на невестку, и та легонько подтолкнула ее к двери:

– Иди, говорю, да? Айна вам чай принесет. А когда хинкал приготовится, вместе пообедаем.

В гостевой комнате было чисто, прохладно и тихо: детей к этой комнате близко не подпускали. Сев на диван, Медина стянула платок и распустила волосы, упавшие ей на спину тяжелыми прядями. На ее щеках, обычно бледных, играл слабый румянец.

– Говорят, ты вчера у Джамили роды приняла?

– Джамия сама справилась, который раз уже рождает.

– Все равно, ты теперь вторая повитуха после матери. Знаешь, как Гульмира и Дагират тебя уважают? Они и со мной добрые, потому что мы с тобой подруги.

– Отец отпустит тебя на свадьбу Меседу?

– Теперь не только у отца надо разрешения спрашивать, – загадочно ответила Медина и еще больше порозовела.

Айбала ахнула:

– Так тебя...

– Да, – кивнула Медина, сияя глазами и белозубой улыбкой. – Вчера случилось. Не успела до тебя дойти, чтобы рассказать.

– За кого?

– За Карима Исмаилова, моего троюродного брата. В Махачкале учился на врача, недавно домой в село вернулся. Устроился врачом в амбулаторию. Тера... – Медина запнулась. – Терапевтом. Вчера тетка моя двоюродная приходила, мать Карима. Сказала, я ему давно приглянулась, еще когда в школе училась и к ним после уроков заходила. Он мне тогда тоже нравился, но потом я Фархада полюбила, а Карим как раз учиться уехал. Так что я теперь засватанная!

Айбала обняла Медину. Услышала, как стучит ее сердце, и едва не расплакалась от счастья за подругу и от осознания, что они скоро расстанутся.

– Когда свадьба?

– Летом. Кариму надо в Махачкалу вернуться, повысить квали... квалификацию, – старательно выговорила Медина незнакомое слово. – Не понимаю, как отец согласие дал. Наверно, устал от женщин в доме, скоро младшие братья женятся, еще больше женщин станет! – Медина рассмеялась. – И мама все просила мужа мне найти, чуть не каждый день приставала. А тут и искать не пришлось, мать Карима сама к нам пришла.

– Она хорошая? Хорошая будет с тобой?

– Ай, хорошая! И добрая, да. Я поэтому к ней и ходила часто после школы, помнишь? Тебя с собой звала, но ты домой всегда торопилась, говорила: опоздаю, так отец больше в школу не пустит.

– Значит, мы теперь редко будем видеться...

– Вот глупость сказала! – Медина фыркнула. – В гости будешь приходить, хоть каждую неделю. И роды станешь у меня принимать.

– В селе амбулатория есть и специальный доктор для таких дел.

– Стану я чужим людям доверять!

Вошла дочь Гульмиры Айна, которая утешала плачущих мальчиков. Она держала в руках поднос с чашками и сладостями. Степенно пересекла комнату, осторожно поставила поднос на стол и молча удалилась, не поднимая глаз.

– Помощница растет, – заметила Айбала. – И скромная какая.

– Байсал ее в строгости держит. Через четыре года замуж отдаст. Уже засватали.

– Ей двенадцать уже?

– Да одиннадцать только. – Медина передала Айбале чашку с мятным чаем. – Но уж лучше раньше, чем как меня, когда я и надеяться перестала.

– Я тоже перестала. – Айбала отпила горячего чаю и надкусила липкую конфету. – Кроме Анвара-башмачника и не нашлось никого, кто бы посватался.

– Как это? А Бекбулат?

– Какой Бекбулат? – удивилась Айбала.

– Как будто в нашем ауле другой есть!

Айбала покачала головой:

– Ты что-то путаешь.

– Ничего я не путаю. Ты же сама ему отказала.

– Что такое говоришь?

– То и говорю! Бекбулат потом к Абдулле приходил расстроенный, на тебя ругался. В ноябре, кажется, было. Я у тебя не стала спрашивать, решила – сама скажешь, если захочешь. А ты ничего не сказала. Бекбулат, конечно, не красавец, но деньги зарабатывает, к нему даже из села приезжают со своей тканью, говорят, кроить умеет правильно и экономно.

Айбала пыталась понять, шутит Медина или всерьез думает такое про Бекбулата. Вел он себя в последнее время странно, это правда, но если бы в ноябре решил к Айбале посвататься, она бы об этом знала. Неужто отец не сказал бы ей?..

Бекбулат и в самом деле не красавец, но, несомненно, лучше Анвара-башмачника. Айбала не отказала бы ему, хотя он и не особо ей нравился. Вернее сказать, она никогда не рассматривала Бекбулата в качестве возможного мужа (как не рассматривала никого из мужчин аула), но если бы он прислал сватов, тогда случилась бы хитба²⁴ и Айбала стала бы замужняя.

– Я ничего не знала, – наконец сказала она.

– Шуше Наврузовна не сказала тебе? – опять удивилась Медина.

– Значит, Бекбулат приходил к маме?

– Он не сам ходил, а мать отправил. Конечно, правильнее было бы твоего отца к ним домой позвать²⁵, но Зульхижат Шамильевна сама к вам пошла. Шуше Наврузовна ей сказала, что ты на веранде белье вешаешь, что она ходит и у тебя спросит. Она ушла, потом вернулась и сказала, что ты не хочешь за Бекбулата замуж, мол, он тебе совсем не нравится. Шуше Наврузовна еще сказала, что ты повитухой хочешь быть, а не женой, поэтому она не станет тебя к браку принуждать.

Айбала с сомнением покачала головой.

---

²⁴ *Хитба* – помолвка, представление друг другу парня и девушки, которые собираются жениться.

²⁵ По аварской традиции, для сватовства семья жениха приглашает к себе в дом отца девушки.

– Аллахом клянусь! – воскликнула Медина. – Абдулла мне сам сказал, а он никогда не врет.

Но Айбала все равно не поверила. Мать не могла так с ней поступить.

– Ты правда не знала? – изменившимся голосом спросила Медина.

Айбала снова покачала головой. Она почувствовала странную боль в области сердца. Грудь сдавило, стало трудно дышать. Она испугалась, что сейчас заплачет.

– Ай, Шуше Наврузовна какая! – Медина возмущенно цокнула языком. – Ты вот что: как повстречаешь мать Бекбулата, скажи ей, что согласна. Мол, недоразумение случилось. Бекбулат пока невесту себе не нашел. Может, все у вас еще сладится.

– Нет. – Айбала поднялась. – Ничего не стану говорить. И ты никому не говори.

– Куда ты? А хинкал?

– Дома поем.

Айбала шла по круто уходящей вверх улице, ступая медленнее обычного, впервые жалея, что кроме как домой, ей больше некуда пойти. В ее голове бился вопрос: почему? Почему?..

Чем не угодил матери Бекбулат? Он из хорошей семьи, его отец был водителем автобуса в райцентре, пока однажды зимой не погиб в аварии. Старший брат преподает в сельской школе, а мать, добрая и отзывчивая женщина, родила четверых мальчиков, но только двое – Бекбулат и его брат – пережили детский возраст. Если бы Айбала вышла за Бекбулата, она родила бы Зульхижат внуков, которые заменили бы той умерших сыновей.

Вернувшись домой, Айбала ничего не сказала матери, которая по-прежнему температурела, хотя кашляла уже не так сильно. Она почти решилась спросить у отца, знает ли он, что Зульхижат в ноябре приходила ее сватать, но Джавад был сильно не в духе. И незаданный вопрос – почему? – сперва сморщился до размеров грецкого ореха, а потом и вовсе растворился в потоке других мыслей.

Неделю спустя Меседу стала женой Садуллы-хазрата. Вопреки традиции, свадьбу играли не три дня, а только один. Мулла не терпел излишнего веселья и чревоугодия, к тому же брал себе уже которую по счету жену; этот брак, по советским законам, не мог считаться официальным.

Айбала очень боялась, что в утро никаха ей придется танцевать перед женихом²⁶, но Садулла-хазрат не поехал сам за невестой – отправил родственниц. Шуше сильно плакала, провожая Меседу в дом мужа. Меседу тоже полагалось плакать, но вместо этого она улыбалась.

– Зря она, – покачала головой Гезель. – Жизнь не будет счастливой.

Айбала подумала, что жизнь Меседу в любом случае не будет счастливой, станет она плакать или нет, но вслух ничего не сказала.

Сидя за столом, отведенным для близких родственниц невесты, Айбала смотрела на двух жен Садуллы-хазрата и по их лицам понимала, что они согласились на новый брак мужа только чтобы было на кого переложить домашние обязанности. Старшей жене муллы было уже за пятьдесят, она считалась очень старой и очень авторитетной, а средняя носила то ли десятого, то ли двенадцатого ребенка (даже Шуше не помнила точно, сколько раз принимала у нее роды) и выглядела усталой и ко всему безучастной. Мужчины праздновали на другой половине просторного двора, под навесом. Оттуда слышались голоса, музыка, смех – конечно, более сдержанные, чем на обычной свадьбе. За женскими столами никто не смеялся. Гости вели себя скромно, помня о том, что находятся во дворе дома муллы. Некоторые смотрели на Меседу с жалостью, а она, казалось, не замечала этих взглядов, гордо восседая на помосте и почти не притрагиваясь к угощениям. Меседу была в белом атласном платье и меховой накидке, пода-

---

²⁶ По дагестанской традиции, когда жених приезжает за невестой в дом ее родителей, на входе его встречает незамужняя сестра невесты и танцует.

ренной женихом; голову поверх кружевного хиджаба покрывал плотный платок. Расписанные хной руки спокойно лежали на коленях, и было не похоже, чтобы Меседу волновалась или боялась.

Айбала с содроганием думала об ожидающей сестру брачной ночи. Она имела весьма смутное представление о том, что происходит между мужем и женой по ночам, но даже этих скудных знаний, почерпнутых из туманных намеков сестер, было достаточно, чтобы проникнуться к Меседу сочувствием.

Шуше куталась в две шали поверх пальто, поэтому никто не видел ее новое платье. В промежутках между приступами кашля она сетовала на то, что свадьбу можно было устроить и в доме, торжество на улице уместно летом или осенью, хорошо хоть погода наладилась и солнце припекает, а иначе она бы еще пуще разболелась. Соседки сдержанно кивали, ели плов и запивали лимонадом. Никто из них не отважился сказать Шуше, что Садулла-хазрат, по давнему обычаю, ни за что не позволил бы своей новоиспеченной теще переступить порог его дома. Возможно, именно по этой причине столы и накрыли во дворе. Это была своеобразная уступка муллы своей молодой жене – первая и, похоже, единственная.

Ближе к вечеру гости стали расходиться. Садулла-хазрат и Меседу стояли у ворот и благодарили всех пришедших. У муллы был такой же строгий, отрешенный вид, какой он всегда имел в мечети; длинная седая борода развевалась на ветру, серебряные нити, которыми была расшита праздничная зеленая чалма, переливались на солнце. Меседу едва доставала ему до плеча. Они стояли, не касаясь друг друга, словно чужие люди, случайно оказавшиеся рядом.

Прежде чем выйти за калитку, Айбала взглянула на сестру и постаралась удержать ее взгляд, но Меседу отвела глаза, а потом и вовсе отвернулась. Калитка закрылась, навсегда разделив сестер.

С приходом календарной весны ничто не изменилось. Ночи по-прежнему стояли морозные. По утрам становилось чуть теплее, к полудню солнце успевало слегка растопить снег, но после обеда, когда оно скрывалось за высоким горным пиком, ручейки талой воды подмерзали, и в воздухе снова разливался холод – предвестник ночного мороза.

Айбала давно привыкла, что весна в их края приходит неохотно, как бы делая одолжение. Она терпеливо ждала апреля, когда природа начинала потихоньку просыпаться, из-под земли появлялись первые ростки, и солнце не сразу скрывалось за горой, а какое-то время стояло в зените. Ее день рождения был в самой середине месяца, как бы деля его пополам. В этот день Айбала обычно спускалась в долину и шла по дороге, ведущей в село, мимо бесконечных совхозных садов, в которых летом, на сборе урожая, работали мужчины аула. До села Айбала не доходила, поворачивала обратно. Когда она возвращалась домой, мать ставила на стол пирог с овечьим сыром и молодой зеленью – любимое блюдо Айбалы. Так она становилась еще на год старше.

Но сейчас была только середина марта. Меседу уже две недели была замужем. За ворота дома муллы она не выходила, и Айбале оставалось лишь гадать, прижилась ли она в новой семье, не обижают ли ее, не нагружают ли непосильной работой. Шуше, выдав младшую дочь, словно забыла о ее существовании. Джавад постоянно хмурился, тербил усы, с женой и Айбалой почти не разговаривал; на вопросы, что случилось, бурчал что-то неразборчивое или вовсе ничего не отвечал. Из села пришла весть, что Гезель родила двоих мальчиков, и Шуше ходила по аулу гордая: уже девять внуков, вот какие у нее старшие дочери плодовитые! Она приготовила для соседей богатое угощение, а Джавад сходил на годекан, угостил мужчин баухом.

Айбала часто думала о том, что сказала Медина. Теперь, увидев издали нескладную фигуру Бекбулата, она спешно сворачивала на боковую улочку или пряталась за оградой и пережидала, пока он пройдет мимо. Иногда Айбала представляла, каким бы он был мужем, но такие мысли были греховными, и она поспешно их отгоняла.

Как-то раз, выходя из магазина с сумкой, набитой мукой, крупами и сахаром, Айбала столкнулась с Бекбулатом, что называется, лоб в лоб, только вот лоб Бекбулата пришелся Айбале в область солнечного сплетения. Они отпрянули друг от друга, и Айбала от неожиданности выронила тяжелую сумку, которая упала ей на ногу.

От боли у Айбалы помутилось в глазах, а когда зрение восстановилось, она увидела, что Бекбулат укладывает в сумку выпавшие на землю свертки.

– Я сама, – вспыхнула Айбала.

Бекбулат подхватил сумку и пошел к дому Галаевых. Он шел медленнее обычного, но ни разу не оглянулся, чтобы посмотреть, идет ли Айбала следом. Она, прихрамывая, шла на приличном расстоянии, чтобы никто не догадался, что сумка в руке Бекбулата на самом деле принадлежит ей.

Бекбулат поставил сумку у калитки, развернулся и пошел обратно, не услышав (или сделав вид, что не услышал) тихое «спасибо», которое Айбала запоздало бросила ему вдогонку.

Спохватившись, что смотрит ему вслед, она поспешно вошла во двор и только там смогла перевести дух и унять колотившееся сердце.

Ей было стыдно от мысли, что Бекбулат считает, будто она отказала ему из-за его внешности, и горько, что он никогда не узнает, как было на самом деле. В любом случае Бекбулату нужна жена, и скоро он отправит мать в другой дом, где есть девушка на выданье. Айбалу позовут на свадьбу, и, сидя за праздничным столом, она будет смотреть на счастливую невесту, которая родит своему мужу сыновей, и этих детей будет принимать она, Айбала.

С этими мыслями Айбала пошла ставить воду для стирки.

С замужеством Меседу стирка полностью легла на нее: Шуше не помогала даже развесить белье. Она теперь относилась к Айбале еще строже прежнего, словно вымещала на ней злость за свое же решение никогда не отдавать ее замуж. Джавад хмурился, дергал себя за усы, но молчал. Айбала тоже молчала: внутри нее словно надломился стержень, заставлявший ее каждое утро открывать глаза навстречу новому дню, ничем не отличавшемуся от предыдущего, дню, наполненному нескончаемой работой: только сделаешь одно и тут же надо начинать другое.

Подруги и бывшие одноклассницы Айбалы одна за другой выходили замуж, покидали дом родителей и переселялись к мужу. Некоторым везло больше: родня с двух сторон скидывалась и строила молодым отдельный дом. Так предписывалось традицией, но далеко не у всех получалось обеспечить молодую семью собственным жильем. Аул считался одним из самых бедных в районе, поскольку был сильно удален не только от райцентра, но и от заливных пастбищ, располагавшихся по ту сторону высоких гор. Мужчины зарабатывали тем, что давал совхоз, и работа эта была по большей части сезонной. Зимой многие уезжали в район и нанимались на подработки, и только единицы, такие, как отец и братья Медины, добирались до России. Место под новый дом найти было нелегко: аул располагался на крутом каменистом склоне и все мало-мальски подходящие под строительство участки давно были застроены. Большой удачей для девушки считалось выйти замуж в село, где имелись магазины, амбулатория, школа и почта с телефонной кабинкой, из которой можно было позвонить не только в Махачкалу, но и в Москву, и в Ленинград (если, конечно, было кому звонить). Обе сестры Айбалы устроились очень удачно, жили в соседних селах, между которыми курсировал автобус, и при желании могли доехать до райцентра, который жителям аула казался чуть ли не Меккой. Будь Айбала посмелее, она могла бы иногда гостить у Зайнаб и Гезель, но она никогда не спрашивала у отца позволения поехать к сестрам, а те никогда ее не приглашали.

Айбала скучала по широким асфальтированным улицам райцентра, по витринам магазинов, за стеклами которых, словно сокровища из сказки про Али-Бабу, были разложены разнообразные товары, и даже выхлопные газы автобусов и машин вызывали у нее не раздражение, а восхищение. Айбала хотела снова пройтись по центральной улице Цуриба, купить горячий пирожок у торговца-лоточника и не торопясь съесть его под козырьком автобусной остановки.

Развешивая на веранде отстиранное белье, Айбала не подозревала, что ее желание вскоре сбудется. Она была уверена, что до свадьбы ее подруги Медины ничто не нарушит размеренный порядок ее жизни. И когда на следующее утро дверь дома Галаевых затряслась под нетерпеливыми ударами, сердце Айбалы не забилося в предчувствии неотвратимой перемены, только брови удивленно взметнулись: кому не терпится в такую рань?..

Повязывая платок, Айбала мысленно перебрала всех беременных, но ни у одной срок не подошел даже близко.

В проходной комнате она увидела отца и Тимура Сулейманова, младшего сына директора магазина. Тимур, бледный и с расширенными от страха глазами, повторял как заведенный:

– Алима... кричит... очень больно. Алима... кричит... очень больно.

Джавад повернулся к Айбале, отрывисто бросил:

– Позови мать. Она моется.

Но Шуше уже и сама появилась, со скрученными в узел влажными волосами, одетая в домашний велюровый халат и овчинную жилетку.

Тимур посмотрел на нее безумным взглядом и повторил:

– Алима... кричит... очень больно. Помогите, Шуше Наврузовна!

Тимур и Алима поженились в прошлом октябре по взаимной любви, поселились в пристройке во дворе дома Сулеймановых. Алиме было семнадцать, Тимур на два года старше. Он на жену надыхаться не мог, обращался с нею ласково и не обращал внимания на насмешки старших братьев, регулярно поколачивающих собственных жен. Когда узнал, что Алима понесла, чуть с ума не сошел от радости. Ее срок был не больше шести недель, а при таком сроке внезапная боль означала или выкидыш, или внематочную беременность.

– Сознание теряла? – спросила Шуше.

– Что? – Тимур посмотрел так, будто не понял вопроса. – А, да. – Он быстро закивал. – Теряла. Два раза. И белая вся. Кричит и разогнуться не может. Пойдемте, ради Аллаха. Скорее надо!

– Торопить он меня еще будет, – проворчала Шуше привычную фразу, которую она сотни раз говорила нетерпеливым мужьям рожениц, а у самой лицо напряглось от неприятного предчувствия. – Приду скоро, понял, да? Иди к жене.

– Ради Аллаха, Шуше Наврузовна...

– Иди, сказала! Мужчина ты или нет?

Тимур ушел. Шуше сказала Айбале:

– Плохо дело. Иди одевайся быстро. Я тоже сейчас соберусь.

– Я одета. Только накидку еще. Иди, я пока сумку проверю.

Айбала подумала: хорошо бы, чтоб у Алимы был просто выкидыш. Такое случалось, особенно с первыми беременностями: подняла тяжелое, или застудилась, или муж побил, да мало ли причин? Женщины переживали такую потерю по-разному: кто горевал, кто смиренно принимал волю Аллаха, но рано или поздно они снова беременели и благополучно рожали. Бывало и такое, что выкидыш становился привычным, тогда мать или старшая сестра мужа сопровождали невестку в амбулаторию, где давали направление в райцентр на обследование.

Айбала знала, что при выкидыше не может быть настолько больно, чтобы терять сознание. Правда, Алима могла тяжело переносить даже незначительную боль. Хотя она и родилась в ауле, внешность имела нездешнюю: тонкокостная, узкобедрая, с такой прозрачной кожей, что просвечивали вены. Афият Сулейманова отговаривала сына от женитьбы на Алиме, мол, не той она комплекции, чтобы рожать, разве можно с такими бедрами родить? И молока у ней не будет, груди нет совсем, видела я ее в одной рубашке, накануне свадьбы сказала сыну Афият. Вот посмотришь, сказала она, не видать тебе с ней счастья.

Неужели злыми этими словами беду на молодую семью накликала?..

Когда Шуше и Айбала вошли в пристройку Сулеймановых, их встретила тишина. Тимур вышел им навстречу, нервно потирая руки, и сказал:

– Опять нет сознания. Это ведь лучше, да? Она до этого так кричала, а теперь ей не больно, это хорошо же, да?

– К родителям иди, – сказала Шуше, снимая накидку.

– Нет. – Тимур насупился. – Здесь останусь.

– Иди! Тебя нам только не хватало.

– Не уйду.

Шуше махнула рукой – оставайся, мол, раз такой дурной – и прошла в тесную комнатку с кое-как законопаченными дощатыми стенами, в которой было немногим теплее, чем на улице.

– Хоть бы дом протопил, – рассердилась Шуше. – Слышишь, Тимур? Печку затопи. Если жена болеет, так некому топить, что ли?

Она подошла к лежанке и сдернула с Алимы покрывало.

Алима была белая как мел. Искушенные губы в запекшейся крови, колени прижаты к животу, кожа липкая от пота. Шуше распрямила ей руки и ноги, приложила ухо к груди, послушала. Взяла запястье, нащупала пульс, посчитала и повернулась к Айбале:

– Дай нашатырь.

Айбала достала из сумки пузырек, сняла плотно пригнанную пробку и протянула матери. Шуше поводила пузырьком под носом Алимы. Та зашевелилась, закашлялась, застонала и попыталась снова подтянуть ноги к животу, но Шуше не позволила:

– Лежи ровно, осмотрю тебя.

Она стала осторожно нажимать на живот Алимы. Та почти сразу забилась, закричала, ударила Шуше по рукам, попыталась увернуться. Айбала схватила ее за плечи, прижала к матрацу, чтобы мать могла закончить осмотр.

– Здесь больнее всего? – Шуше надавила на низ живота слева.

– Уууу, – отозвалась Алима, запрокинув голову и закатив безумные от боли глаза.

– Дай ей капель. Только немного, весу в ней видишь сколько? Не кормят они ее, что ли?

Айбала нашла в сумке склянку темного стекла с вытяжкой из болеутоляющих трав, накапала десять капель на кусочек сахара и положила его Алиме в рот.

– Кровь была? – спросила Шуше. – Сгустки выходили?

Алима помотала головой.

– Давно началось?

Алима молчала, быстро дыша, словно перед этим долго бежала.

– Отвечай, да? – рассердилась Шуше. – Или сейчас нож возьму и резать тебя стану, вот такой разрез в животе сделаю, чтобы тебя посмотреть внутри. Ну? Когда заболело?

– Вечером, – выдохнула Алима, поперхнувшись сахаром. – Сначала не сильно было... Ночью сильнее... а перед первым намазом очень больно стало. – Она всхлипнула. – Ребенка не будет, да?

Шуше сурово посмотрела на нее и встала.

– Капли сейчас подействуют, полегче станет. Лежи пока.

Она кивнула Айбале, и они вышли в проходную комнату, где в печке уже трещал огонь. Тимур, сидевший перед топкой на корточках и подкладывая в огонь кизяки, поднялся и с надеждой спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.